

КОННИ ИГГУЛЬДЕН

ВРАТА
АФИН

ХОЧЕШЬ ОСТАТЬСЯ СВОБОДНЫМ — ГОТОВЬСЯ К ВОЙНЕ

The Big Book. Исторический роман

Конн Иггульден

Врата Афин

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Иггульден К.

Врата Афин / К. Иггульден — «Азбука-Аттикус», 2021 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-21425-5

Дарий Великий, царь царей, вел на Грецию огромную армию. На пути у персов, многократно уступая им численно, встало войско свободных афинян. В неравном сражении победа осталась за греками. Но люди быстро забывают, что за свободу заплачено кровью. Спустя десять лет афинское общество расколото, правители погрязли в интригах. И уже новая персидская армия, мощнее первой, пересекает Геллеспонт, чтобы стереть ослабевшие Афины с лица земли. Перед лицом смертельной опасности афиняне обращаются за помощью к своим союзникам-спартанцам... Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21425-5

© Иггульден К., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Пролог	9
Часть первая	14
Глава 1	14
Глава 2	20
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	43
Глава 8	46
Глава 9	51
Глава 10	56
Глава 11	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Конн Иггульден Врата Афин

Саймону Бруму. Великому учителю

Так говорил он со мной – и слова его были крылаты.

Гомер

*Скорее принесите мне чашу вина, чтобы я мог освежить разум и
сказать что-нибудь умное.*

Аристофан

Conn Iggulden
THE GATES OF ATHENS
Copyright © 2021 by Conn Iggulden
All rights reserved

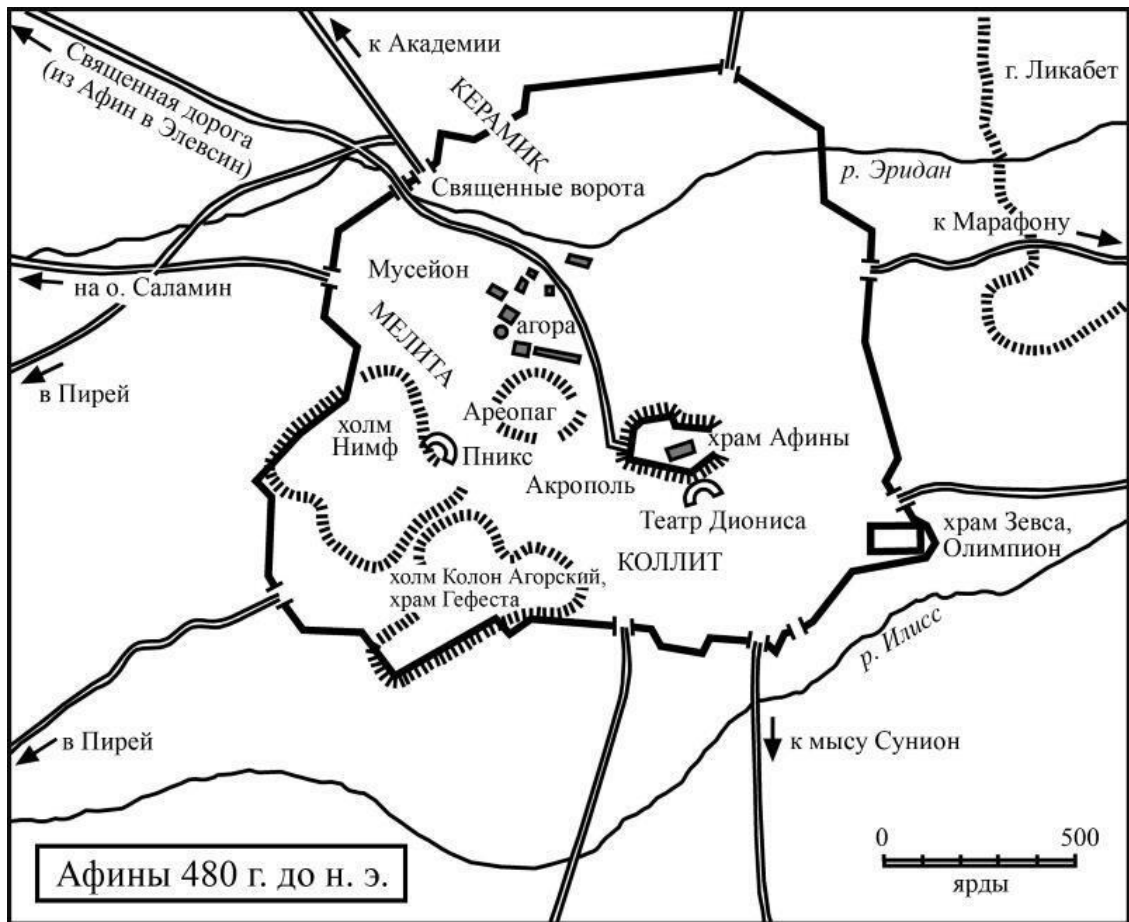
Перевод с английского Сергея Самуйлова

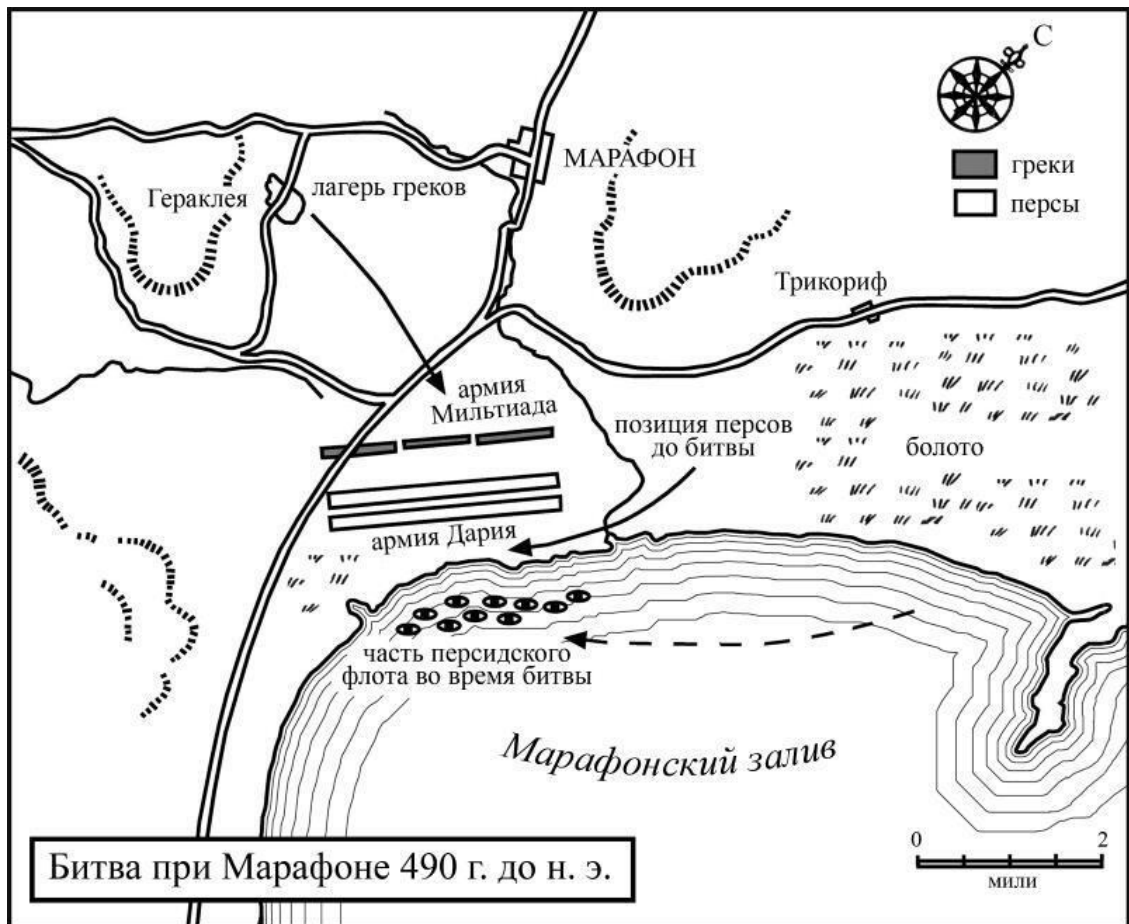
Карты выполнены Юлией Каташинской

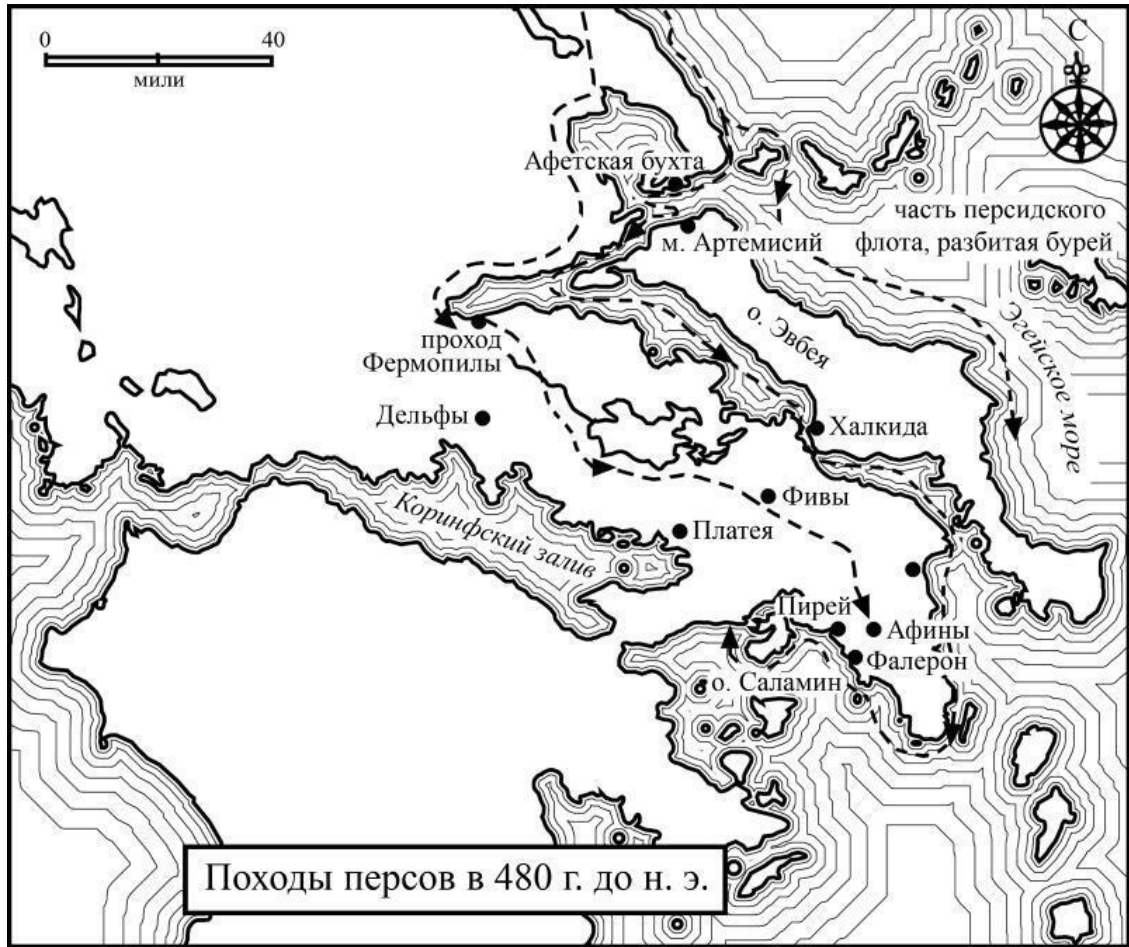

© С. Н. Самуйлов, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство Азбука®

Пролог

Густой аромат цветочной пыльцы висел в горном воздухе, словно эфирное масло или запах кипящей олифы. Все живое томилось в тени. Повсюду терновник, жесткие стебли иссохшей травы да раскаленные голые камни – не схорониться. И только сверчки стрекотали в кронах выносливых сосен, упорно цеплявшихся за скалистую почву.

Застывший среди древних холмов вековой покой нарушили слабые, будто дрожащая нить, звуки музыки. Мелодия крепла, набухла звеневшей медью – и разрослась, вскинулась в песне гулом голосов. Всколыхнув воздух громом тарелок, труб и барабанов, на гребень поднялись танцовщицы, спугнув юрких ящерок. По зычному приказу все остановились, отдуваясь, утирая пот.

Царь выехал вперед верхом на жеребце и спешил почти с былой грацией, отличавшей его в молодости. Бросив поводья рабу, Дарий взобрался на огромный плоский валун и оглядел равнину. Отсюда, с высоты, он видел шрамы на земле, следы войны и огня. Далекое прошлое подступило совсем близко. Царь нахмурился. На этом самом месте он стоял тридцать лет назад. Пригрезилось, сделай один только шаг – и снова окажешься там, рядом с отцом, и вся жизнь еще впереди.

Где были когда-то Сарды, теперь лежали руины. Пламя давно погасло, но с налетевшим легким ветерком Дарий уловил – или почудилось – запах обуглившегося дерева и жженого кирпича, благовоний, а может быть, гнили. В отдалении действительно копошились люди. Воздух был такой чистый, что Дарий различил искры походных костров и тонкие струйки дыма над ними. Вероятно, убежавшие горожане вернулись, как только утих пожар, или даже пришли разграбить руины в поисках золотых бусин, бывших когда-то монетами.

Погребальный костер на месте города отнюдь не досадная случайность. В тот день издаля и с горной вершины было трудно вообразить охваченные пламенем улицы, парки и целые кварталы. Сторожевые башни вдоль громадной стены рухнули на глазах у Дария, рассыпавшись камнями. Прочь от ограждений четко прочерченными линиями потянулись дороги. Семьи уходили, унося на подошвах пепел и сажу, оставляя темные следы, напоминающие вены на руке старика. Царь знал – теперь распространится мор и скверна. Выжившие не заботились о мертвых, разве только по принуждению. Мухи ползали по трупам, и живые спешили пройти мимо, отвернувшись.

Великий царь не поморщился, не покачал головой при этой мысли. Он знал смерть и раньше, видел ее много раз. Он понимал, что его людям придется похоронить павших в огромных неглубоких ямах за стенами города и только потом взяться за восстановление...

Обернувшись, Дарий искал глазами сына, собираясь поделиться с ним своими размышлениями. Ксеркс поодаль от первых рядов, поджав ноги, балансировал на шее молодого слона. Мальчишку постоянно что-то отвлекало, он всегда находил какое-нибудь существо, чтобы приручить и позабавиться. Последним был сверчок, а до него – крошечная голубая ящерица, бравшая и державшая еду двумя лапками. Сам великий царь никогда не испытывал потребности в подобных пустяках и беспокоился, что сын недостаточно преисполнен радения об империи, которую унаследует. Он вздохнул. Забот отцовских имя – легион.

Царская процессия остановилась по его жесту. Люди все утро поднимались в горы, и теперь от облегчения их лица просветлели. За царем стояли шестьдесят тысяч человек. Колонна тянулась так далеко вниз, что он не видел ей конца. Дарий явился, готовый к войне, но нашел только пепел.

Впереди, дрожа от усталости, отдыхали танцовщицы. Еще утром одна из них упала в изнеможении, лихорадочно раскинув руки. Люди шли, не обращая внимания на ее визг; ехали повозки. И только царские слоны осторожно обходили раздавленную девушку.

Дарий не стал ничего говорить дворцовому распорядителю. Мрачная тень легла на лицо Ашара, и щеки вспыхнули от стыда. Наставницу танцовщиц наверняка поколотят вечером и даже, возможно, привяжут к дереву, предоставив решить ее участь львам и волкам. Остальные, увидев это, поймут, что не должно позорить великого царя, оказавшего им честь сопровождать его.

А он давно уже не был прежним жизнерадостным молодым воином. Обдумывая, как бы спуститься с камня, Дарий подавил вздох, ощутив боль в бедрах и пояснице. Было время, когда он легко бы спрыгнул, наслаждаясь своей силой и ловкостью. Но слуги хорошо знали господина, и едва он поднял голову, как к валуну поднесли приступку. С величавой осанкой и невозмутимым выражением лица он сошел вниз.

Ксеркс настороженно посматривал на приближающегося отца. Накажут ли его за то, что мог заметить только царь и до чего лишь ему было дело?

Мальчик сидел на мягкой шелковой подушке – в кожаной, украшенной золотом юбке и сандалиях. Голый по пояс, он служил живым напоминанием о юности, что могло еще больше омрачить настроение отца.

Слуги посыпали сушеной лавандой и миртом пыльную дорожку, по которой великий царь приблизился к сыну. Для Дария было оскорблением, когда его вынуждали смотреть вверх, но Ксеркс, казалось, застыл на месте, сидя высоко на слоне. Огромное животное повернуло голову, чтобы посмотреть на человека, остановившегося рядом с ним. И мальчик, и слон были в самом неуклюжем возрасте. Дарий жестом отмахнулся от слуг, усеявших лепестками тропу перед ним.

Они замерли, дрожа на периферии его поля зрения, готовые в любой момент покрыть благоуханием землю, сотрясавшуюся под шагами повелителя.

– Ксеркс, слезай, – негромко сказал великий царь.

Сын кивнул и вытянул руку так, чтобы слон ее увидел. Хобот изогнулся, бережно обвил ребенка и плавно опустил на землю. Мальчик, казалось, гордился этим. Дарий никак не отреагировал на трюк, продемонстрировать который стоило бы в другом месте: на рынке или заготовке леса. Обняв сына за плечи, он повел его туда, где тот должен был стоять, ожидая отца.

Дарий положил ладонь на нагретый валун.

– Видишь этот город? – спросил он сына. – Темный от пепла.

Ксеркс сделал вид, что всматривается в даль, кивнул, но не поклонился – и Дарий поймал себя на том, что гордится молодым человеком, который должен наследовать его власть, если только Ахурамазда, владыка мудрости, позволит это. Не стоит быть слишком уверенным в будущем – ни в словах, ни в самых сокровенных мыслях. Бог света слышит все.

– Это Сарды, столица этой страны, – сказал царь. – Или так было. Враг разграбил город и сжег все, включая великий храм, простоявший здесь две тысячи лет. Вот почему я привел так много воинов. К завтрашнему утру все до единого дома и храмы будут снесены до основания. Мы перестроим все.

– Кто смеет нападать на наши города? – спросил Ксеркс.

– Люди из Афин, из Эретрии, – ответил отец. – Греки. Я думал... Десяток лет назад они присылали сюда послов с просьбой о дружбе. Я думал, они согласились стать моими избранными – одним из моих любимых подданных народов. Они дали землю и воду моему наместнику и отправились домой, за море. Признаюсь, после этого я почти не думал о них.

Царь улыбнулся и попытался взъерошить сыну волосы. Мальчик отстранился, и отец сделал над собой усилие, скрывая боль.

– Это край света, Ксеркс. Море лежит менее чем в двух днях пути отсюда, а за ним – земли, которые никогда не знали благословения наших законов, наших воинов. – Дарий махнул рукой в сторону равнины. – Я правлю здесь, от рынков рабов до золотых копей. Каждый горшок и чашка – мои, каждая монета, балка и ребенок. И все же мы здесь далеко от цивилизации,

от сердца нашей земли. Возможно, я был слишком мягок с ними, слишком снисходителен. Я излишне доверчив. Это всегда было моей слабостью.

Он увидел, как сын неловко переступил с ноги на ногу, и улыбнулся.

– Никто, Ксеркс, никто не может сказать, что я бесчестен. Понимаешь? Если я даю слово, я его держу, пусть даже мир рухнет вокруг меня. Если я прощаю врага, если приветствую его, как ребенка, в своем доме, он знает, что моего гнева больше не будет. Даже греки знают это. О, они могут кричать и бороться, но для тех, кто ведет себя по-мужски, кто готов отбросить гордость и предложить мне знаки земли и воды, я всегда буду прощающим богом.

– Но почему? Почему ты прощаешь людей, которые сделали это, которые сожгли Сарды?

Дарий наклонился ближе к сыну. И хотя сотня слуг и рабов ожидали проявления его малейшей прихоти, а две обнаженные женщины с подведенными сурьмой глазами выглядели из занавешенных носилок, украшавших его слона, – он оставался наедине с наследником.

– Я говорю сейчас как царь. Услышь меня, Ксеркс. Мое слово нерушимо, потому что, когда человек выходит на поле боя против моих армий, я хочу, чтобы он со страхом смотрел на своих союзников, спрашивая себя, не покинут ли они его в разгар битвы. Я хочу, чтобы он знал, как знает собственное имя, что, если сдастся мне, если почувствует вкус пыли на губах и предложит мне воду из чаши своих рук, я буду чтить его как союзника до конца времен, без злобы, без мести. Потому что он будет живым примером моего милосердия. Ты понимаешь?

Ксеркс слегка покачал головой, закрыв глаза. Налетевший ветер ослабил дневную жару. И в этот момент тишины и покоя мальчик внезапно понял. Его глаза открылись, и отец улыбнулся, увидев в них блеск.

– Доверие к тебе ослабляет их всех, – сказал Ксеркс тоном, в котором прозвучало удивление. – Это значит, что, когда мы подойдем, брат повернется против брата, друг против друга. Но какова цена, отец? Ты отказываешься от мести – не слишком ли высокая цена?

– Нет. В моей империи сплетены сорок наций – Мидия, Ассирия, Лидия, Индия... Клянусь богом, люди подобны серебряным рыбкам в океане – все подданные моего трона, моей короны. Будь я обманщиком, лжецом, они боролись бы куда ожесточеннее, чтобы держать меня подальше. Вместо этого их вожди получают дворцы и земли. В спокойные времена они даже задаются вопросом: а завоевал ли их кто-то вообще?

– Но они завоеваны, – сказал Ксеркс.

– Да, – кивнул Дарий. – Так же и эти города, весь Ионийский союз. Они смотрят на своих предков, греков, а не на нас. Возможно, они думали, что я слишком далеко, что мне нет дела до того, чем они занимаются на самых границах западных морей. Предав меня, они обратились за помощью к Афинам, и эти греческие нечестивцы послали корабли из Эретрии. Их солдаты-гоплиты бродят по побережью, убивают и запугивают принадлежащие мне народы. Теперь они говорят о том, чтобы сбросить ярмо, которое я возложил на них, говорят о «безобразиях» нашего правления.

Царь рассмеялся невесело, и глаза его чернели из-под насупленных бровей.

– Уничтожая мой гарнизон, греки подожгли тростниковые крыши Сард. Пламя распространилось, как ветер, пока не поглотило все, даже храм Кибелы, великой Матери мира. Такое трудно простить.

Царь замолк и стоял, глядя вдаль. Сын не осмелился прервать его размышления и не стал сопротивляться, когда отец снова положил руку ему на плечо.

– Я за год отстрою все заново. Армии, которые я привел, войдут во все города и поселки Ионийского союза и принесут то наказание, которое я сочту нужным. Мужчин лишат рук, чтобы не могли больше держать копье или меч. Самые красивые дети отправятся на наши рынки. Старики и женщины будут брошены в костры. Иногда я думаю, что это в своем роде милосердие – по отношению к тем, кто был им так обременен. Понимаешь? Даже в горниле моего гнева заключена мудрость. Я не тиран, Ксеркс. Когда я иду, сдвигаются горы, и эта дрожь

сильнее поступи тысячи королей. С тобой будет то же после меня. Все люди – рабы; все цари – рабы для нас.

Лицо сына озарилось радостью при этих словах. Ксеркс протянул левую руку и коснулся отцовских пальцев, лежащих на его обнаженном плече. Мудрость царя позволила построить империю столь необычайно богатую и могущественную, и все было так, как он сказал: мир склонился перед ним. Ксеркс думал, что даже дождь идет по его приказу.

– А что же греки, отец?

– Они вернулись на свои корабли, как невинно спящие дети. Уничтожив мои гарнизоны, решили, что дело сделано. Они ошибаются. Все только началось! Я навещу их снова, когда закончу здесь.

Царь оглянулся через плечо на ряды телохранителей в белых стеганых доспехах и чешуйчатых панцирях. Жара была невыносимой, но они стояли совершенно неподвижно, словно высеченные из камня. Поймав этот взгляд, их начальник шагнул вперед, рухнул на землю и, распростершись во весь рост, поднес к глазам обе руки, словно ослепленный. Пыль облепила намащенное снаряжение, и, поднявшись, он уже больше напоминал воина в походе, а не просто часть декорации. Дарий подумал, что это хорошее предзнаменование.

– Принеси мой лук, Датис.

Царское оружие вынули из чехла, накинута тетиву в мгновение ока, пока Дарий поднимал руку. Он принял лук, почти с него ростом, блестящий от масла и солнечных бликов на золотой обмотке.

– Стрелу, – сказал Дарий.

Он приладил ее к плетеной тетиве и натянул с легкостью, как человек, обученный этому с детства. Мышцы руки, плеча и груди напряглись. Царь пустил стрелу так, что она воспарила над лежащей внизу равниной.

– Я посылаю эту стрелу со своей клятвой, – услышал Ксеркс бормотание отца. – Господь, позволь мне наказать афинян, как они того заслуживают.

Он вернул лук и ткнул скрюченным пальцем в раба-виночерпия. Хотя стройный юноша и служил царю все свои двадцать лет, завоевав уважение при золотом дворе, он без колебаний упал на живот, почувствовав настроение хозяина.

– Мишар, с сегодняшнего дня у тебя новое поручение. Встань и прими его из моей руки.

Евнух гибко поднялся и замер, опустив глаза, под взглядами отца и сына. Шелка его одеяния покрыла пыль, и Ксеркс поморщился, заметив пятна пота. Небрежности оправдания не было, тем более что есть рабыни, готовые стирать и менять мужчине одежду столько раз в день, сколько ему угодно. Если только Мишара можно считать мужчиной. Ксеркс однажды приказал стражникам подержать евнуха, чтобы самому осмотреть старую рану и сморщенный мешочек между ног, темный, как синяк. Мишар тогда плакал, как женщина. Странно, раб понимал, что его жизнь не принадлежит ему, и все же рассчитывал сохранить какое-то подобие достоинства. Ксеркс считал, что отец позволяет некоторым слугам слишком много вольностей, возможно, по причине долгого общения с ними. Когда придет его время, уж он такой ошибки не совершит. Мальчик улыбнулся при этой мысли.

– Мишар, – продолжил царь, – ты будешь подходить ко мне каждый вечер, когда я сижу за трапезой. Ты будешь прерывать меня, не опасаясь наказания. И ты будешь говорить так: «Господин, помни о греках». Ты понял, что я сказал?

Виночерпий попытался кивнуть, хотя его трясло так сильно, что Ксеркс подумал, уж не заболел ли он. Мишар тоже заметил черные руины Сард, но не знал, как поведет себя царь. Блестящая струйка пота выступила у него на лбу и соскользнула в складки у накрашенного рта.

– Я... я сделаю... я понимаю, великий царь. Все будет так, как ты говоришь.

– То-то, Мишар. А если забудешь, я прикажу вырвать твой прекрасный язык. А теперь оставь нас и найди свежую одежду. Та, что на тебе, годится только для огня.

Евнух поклонился и ушел. Ксеркс наблюдал за отцом с нетерпеливым предвкушением, желая увидеть в нем волка, разрушителя народов.

– Итак, – сказал царь, – сын мой, я не забуду о своем долге перед греками. Не забуду, пока он не будет оплачен тысячекратно. Это маленький и рассеянный народ. Я куплю корабли у финикийцев и отправлю сюда несколько облепившихся западных гарнизонов. Здесь слишком много придворных, Ксеркс, мягкотелых толстяков, живущих легкой жизнью. Думаю, небольшое путешествие пойдет им на пользу. Возможно, я увижу, как мои «бессмертные» чувствуют себя в открытом море. Забавно было бы узнать, как люди вроде Датиса изрыгают завтрак за борт.

Царь рассмеялся, развеяв свое мрачное настроение. Он повернулся к сыну, и Ксеркс сумел выдержать его взгляд и не вздрогнуть.

– А теперь прикажи привести твою лошадь. Хочу посмотреть, как ты выедешь с разведчиками, когда мы доберемся до равнины.

– Я бы предпочел...

– Мне будет приятно, Ксеркс, – мягко сказал Дарий.

– Конечно, отец, – склонил голову мальчик.

– Хорошо, – улыбнулся царь. – Воины должны видеть, как ты едешь верхом. С заходом солнца я буду ждать тебя на пиру для моих полководцев. Мы подумаем, как наказать эти ионийские города, которые дрожат перед нами.

Ксеркс поклонился еще раз. Он надеялся побыть немного наедине с собой, без того чтобы отец указывал ему и распоряжался каждым его часом до самого сна. Он знал, что награда за послушание и терпение придет. Хотя он и не мог представить себе мир, в котором нет его любимого отца, однажды империя будет принадлежать ему. Его приказ разгонит тучи или затмит солнце в память об отце. Думать об этом было приятно.

Часть первая

490 г. до н. э

Глава 1

Ксантипп замер на месте и, сохраняя ровное дыхание, негромко отдал указания рабам вокруг себя. Внимательно выслушав, трое мужчин сдержанно кивнули, соглашаясь. Все они служили семье его жены с детства.

«А ведь каждого спартанца, – почему-то подумал Ксантипп, – готовят к войне семеро рабов. Возможно, у афинян это получается лучше».

Произносить свою мысль вслух он не стал и даже не улыбнулся. Им владело какое-то непонятное беспокойство, нетерпение. Ему было тридцать восемь лет, и он знал, что в этот день может умереть.

Он больше не слышал городского шума, хотя и сомневался, что на улице стало тише. Дом жены был огромный, его окружали оливы и смоковницы. Комната, в которой Ксантипп готовился к войне, находилась в центре здания, вдали от внешних стен, которые оказали бы честь и крепости. Пространство по периметру ограничивали колонны из белого камня, крышу заменяло высокое голубое небо. Здесь, вдалеке от грохота, суматохи и страхов войны, царили мир и покой. Вокруг этого тихого сердца дома были расположены на двух этажах еще с десятков помещений. Ворота за внешней стеной открывались на дорогу в Элевсин, ведущую к северо-западу от центра Афин.

В темноте, задолго до восхода солнца, Ксантиппа разбудили крики. На агору к бронзовым статуям героев, представлявших десять афинских племен, из дома послали гонцов. Под каждой статуей совет ареопага¹ поместил листы тонкого папируса. Рядом стояли рабы с факелами, готовые осветить любому, кому потребуется. На папирусе перечислялись каждая фила², каждый дем³ и все прилегающие к городу земли.

То, чего они боялись, случилось.

Ксантипп довольно хмыкнул, почувствовав, как поножи ладно охватили ноги. Отлитые в точности по форме голени и колена, они надежно держались за счет естественной пружинистости металла, и им не требовались ни завязки, ни ремни. Поножи блестели, словно были из золота, сияя тем же благословенным маслом, которое рабы уже втерли в конечности Ксантиппа.

– Подождите, – сказал он.

Рабы отступили, и Ксантипп сделал низкий выпад. Поножи остались на месте, и он, кивнув, поднялся. Руки раба потянулись к нему застегнуть белый хитон. Его бедра останутся непокрытыми. Одно дело бегать или тренироваться голышом в летнюю жару, и совсем другое – сражаться. Ксантипп еще от отца узнал, сколь полезен может быть кусочек ткани, когда глаза застилает пот или кровь.

Стоя с обнаженной грудью, Ксантипп осмотрел приготовленный нагрудник. Внутри доспех был выложен толстым слоем отбеленного льна, плотного и крепко сшитого. Наружную сторону составляли тяжелые бронзовые пластины. Ксантипп знал, что, по ощущениям в походе, панцирь тяжелеет с каждым шагом, и чем дальше от города, тем больше. Но, несмотря на бремя и нелепые расходы, это был его боевой доспех, шкура войны. Другие стратеги пред-

¹ *Ареопаг* – холм в Афинах и высший орган судебной и политической власти.

² *Фила* – родовое объединение, община.

³ *Дем* – самая мелкая административная единица в Древней Греции.

почитали сплошную пластину из бронзы или кожи, а Ксантипп не любил, когда его что-то стесняло. Ему довелось видеть воина, который не мог завязать сандалии, не сняв нагрудник, беспомощного, как рыба на суше. По сравнению с тем бедолагой он в своем доспехе чувствовал себя непобедимым. Как и изготовленные на заказ поножи, нагрудник был делом рук настоящего мастера-кузнеца. Бронза – теплый металл, когда касается кожи. Все это нравилось Ксантиппу.

Нагрудник рабы застегнули двумя ремнями на плечах и поясом. Ксантипп кивнул и буркнул что-то неразборчивое. Две бронзовые пластины поменьше прикрывали пах и большие вены ног. При поднятом щите враг видел только сверкавшие поножи, круглый щит и шлем – человека из золота. Руки оставались свободными, их ничто не стесняло. Ксантипп сжал кулаки и сделал несколько широких движений, разминая затекшие плечи.

Сандалии уже были надежно завязаны, и теперь он надел на лоб повязку, назначение которой состояло в том, чтобы впитывать пот и смягчать давящую тяжесть шлема. Вторая группа рабов внесла оружие гоплита, и у Ксантиппа забилось сердце. Оружие не было куплено богатством Алкмеонидов, семьи его жены, которая вела родословную со времен гомеровской «Илиады». Нет, оно хранило копившиеся годами следы и отметины, царапины и вмятины и даже небольшое пятно пайки у основания наносника. Каждая часть снаряжения в какой-то момент спасла Ксантиппу жизнь. Он смотрел на свою боевую коллекцию с гордостью и любовью, как человек, глядящий по голове верную собаку.

– Где мой щит? – спросил он.

Щит-гоплон не принесли вместе с остальным оружием. Рабы посмотрели на старшего, ожидая, что ответит он.

Непривычно серьезный, Маний для начала поклонился:

– Хозяйка сказала, что сама покажет его тебе.

– Понимаю. Агариста велела его перекрасить.

Это был не совсем вопрос, но Маний все равно опустил голову, покраснев под холодным взглядом хозяина. Как раб по отношению к Алкмеонидам, Маний служил в доме в разных ролях на протяжении всей жизни хозяйки. Агаристе он был предан беззаветно, как может быть предан только тот, кто носил ее на своих плечах, когда она была маленькой девочкой. Но сейчас это был момент безмолвного общения двух мужчин, пусть и занимавших разное положение.

Ксантипп не сказал больше ни слова и принялся проверять древко копья, выискивая возможные трещины. Рабы, чувствуя его скрытый гнев, неловко переминались.

Трещин не обнаружилось. Повинуясь внезапному импульсу, он жестом отогнал людей подальше и повертел грозным оружием над головой и по сторонам так, что оно запело в воздухе. Длинной в полтора его роста, копье было идеально сбалансировано: вес листовидного железного наконечника уравновешивался бронзовым шипом на другом конце – убийцей ящериц, как называли его юноши из эфебов-гоплитов. Древко македонского ясеня было приятно на ощупь. Поглаживая его, Ксантипп ощущал оставленные инструментом отметины, память и пот работавших с деревом старых мастеров. Он убивал людей этим копьем-дори. Руки признавали его своим.

Ксантипп провел ладонью по плюмажу из конского волоса, гребню шлема. Ни пылинки, а густая щетина была аккуратно подстрижена и выглядела как новенькая. Удовольствовавшись осмотром, он положил шлем у ног и взялся за меч – проверить острие. Некоторые вещи нельзя доверять рабам, какими бы опытными они ни были. За клинком – с тех пор, как Ксантипп в последний раз обнажал его от имени города, – ухаживали хорошо. Он тоже блестел оливковым маслом, и черных пятен ржавчины на нем не появилось. С ремнем на поясе и ножнами, добавившими веса доспехам, Ксантипп уже чувствовал себя изрядно потяжелевшим.

Из полутемной аркады в залитую солнечным светом комнату вышла Агариста.

Хрупкая, она принесла его щит, самую тяжелую – и самую важную – часть снаряжения. Бронзовый круг был покрыт белой тканью, но Ксантипп подумал, что знает, что же там изображено.

– Оставьте нас, – тихо сказала она.

Приученные исполнять ее волю, рабы растворились в окружающем мраке. Это был ее дом, а до нее – дом ее отца. Там, где сейчас стоял Ксантипп, стоял когда-то ее дядя Клисфен, человек, переустроивший афинскую демократию и выбравший названия десяти племен. Агариста принадлежала к знаменитой династии, и это временами тяготило Ксантиппа. Она любила его тогда, в пору незапятнанной юности и зеленой весны своей жизни. Они поженились, когда ей было шестнадцать, а ему тридцать и он только вставал на политическую стезю. Прошло восемь лет, и если он поднялся, то отчасти благодаря поддержке ее семьи. Но она пришла к взрослому мужчине в момент своего первого расцвета и потому все еще боялась его неодобрения. Он знал, что одно сердитое слово может вызвать слезы у нее на глазах, и это читалось в каждой черточке ее лица. Испуганная, опасаясь, что Ксантиппу не понравится то, что она сделала, Агариста робко приблизилась к нему.

– Что ж, покажи. – Все еще держа копьё в правой руке, он вытянул, растопырив пальцы, левую.

Молча, закусив нижнюю губу, она сняла ткань и отпустила, позволив ей слететь на плитки пола.

Когда Ксантипп только услышал, что жена перекрасила его щит, он ожидал чего-то с изображением льва. Это видение мучило Агаристу годами, приходя, уходя и возвращаясь, нарушая сон. Она рассказывала о нем много раз, и Ксантипп знал все подробности. Другое дело, что ничего пророческого он в этом не усматривал. Потакая Агаристе ради сохранения мира в семье, Ксантипп думал, что боги не доверили бы его глупой молодой жене истинное видение. Скорее всего, оно было порождением ее беспокойства за него или за детей. Тем не менее он ощутил укол страха при мысли об утрате прежнего, привычного изображения на щите – глаза, неизменно взиравшего на каждого врага, с которым он сталкивался.

И вот теперь глаз исчез, и это воспринималось так, словно она его ослепила.

– Очень хорошо.

– Тебе нравится? Правда? – спросила жена, заглядывая ему в лицо. – Нет. Тебе не нравится.

– Это прекрасно, – ответил он, ничуть не кривя душой.

Художник показал себя с наилучшей стороны. Из центра щита с ревом – голова, зубы и ярость – рвался лев. Образ был прекрасный, хотя Ксантипп все равно предпочел бы, чтобы за ним приглядывал тот старый немигающий глаз.

– В том видении, где я родила льва, – заговорила Агариста, решив заполнить тишину потоком слов, – мне сначала подумалось, что это должен быть ребенок. Раз я носила дитя, что еще это могло быть? Но потом я увидела твой щит и подумала... что, если бы ты был львом? Или я бы знала, как сделать моего Ксантиппа афинским львом?

– Не могу сказать, правильно это или нет, не сегодня, – ответил он.

Разговор требовал от него большего, чем он хотел дать в этот момент. С оружием в руках, в преддверии битвы, ему нужно было оставаться спокойным, мрачным и молчаливым. Она же продолжала выпрашивать, раскалывая в нем холодную твердость. Приветствовалось такое не всегда.

Ксантипп огляделся – рабов в поле зрения не было, хотя он знал, что они близко, в пределах окрика.

– Агариста... то, что произойдет сегодня...

– О! Дети! Мне нужно привести их, чтобы они попрощались с тобой.

– Нет, послушай...

Но она уже ушла, ускользнула, и он остался один в лучах яркого света, под высоким голубым небом. Выходило солнце, и Ксантиппа вдруг словно толкнули в спину – иди. Он даже сделал пару шагов, но услышал голоса детей – звук, вцепившись, как репей, остановил его.

Семилетний Арифрон, старший из троих, вошел первым, за ним следовала шестилетняя сестра Елена. Они вошли, как маленькие гусята, с благоговением глядя на отца, сверкающего маслом и золотом, словно живой бог. Агариста привела за руку младшего, спотыкающегося рядом с ней, с блестящими от слез глазами.

Ксантипп отложил копье и опустился на колени:

– Идите ко мне, малыши. И ты, ты тоже, Перикл. Все в порядке. Подойдите.

Все трое подбежали к отцу и принялись колотить его в грудь и гладить ладошками бронзовые пластины. В глазах их застыли восторг и восхищение.

– Ты собираешься убивать персов? – спросил Арифрон.

Ксантипп посмотрел на старшего сына и кивнул:

– Да, много персов. Сотни.

– А они придут убивать нас?

– Никогда. Мужчины в Афинах вооружаются, чтобы остановить их. Персы еще пожалеют, что вообще заявились сюда.

К его досаде, Елена внезапно расплакалась. Личико ее скривилось, и вдруг раздались необычайно громкие рыдания и вопли. Ксантипп поморщился, сожалея, что вообще допустил этот момент.

– Послушай, Арифрон, ты мог бы отвести сестру и брата на кухню? Найди им фруктов или что там у повара на вертеле.

Старший сын торжественно кивнул, понимая, что ему доверили ответственное задание. Ксантипп обнял каждого еще раз, и дети удалились вслед за Арифроном.

Агариста наклонилась поднять копье. В ее руке оно смотрелось непривычно и странно, и Ксантипп быстро забрал его.

Слишком много дурных предзнаменований было в этот день, и плачущие дети стали последним из них. Он уже лишился глаза на своем щите и не хотел, чтобы жена уронила его оружие, боялся того, что это может означать. Она накрыла его руку своей, и он почувствовал ее тепло и запах благовоний: розы, лаванды и мускуса. Аромат заполнил ноздри, и Ксантипп попытался понять, не вдыхает ли он сладкий дым от масел собственного погребального костра.

– Агариста, если мы проиграем...

– Не говори так, прошу. Накликаешь беду. Пожалуйста.

– Так нужно. Я должен знать, что ты понимаешь.

– Пожалуйста...

Ксантипп подумал, что она повернется и убежит, и эта мысль отозвалась приливом гнева. В некотором смысле его жена все еще оставалась невинной. Он схватил ее за запястье – так сильно, что она вскрикнула.

– Если мы проиграем и они придут сюда, ты должна убить детей.

– Я не смогу это сделать, – прошептала Агариста и, уже не глядя на него, инстинктивно дернулась, попытавшись высвободить руку.

Он не поддался жалости и еще сильнее сцепил пальцы, хотя по ее щекам уже текли слезы.

– Ты хозяйка дома, Агариста. И ты сделаешь это. Если сама не совладаешь с клинком, отдай его Манию. Сказать тебе, что ждет детей, которых персы захватили в плен? Хочешь, чтобы я описал весь этот ужас? Они чума в этом мире, Агариста. Я видел результаты их... внимания. Видел трупы. Если мы проиграем, они преподнесут Афинам урок. Город умрет, и здесь не будет безопасного места. Это не похоже на прежние войны, когда армия Спарты встала под Акрополем или когда всадники Фессалии сражались против нас. Мы греки, и мы знаем пределы войны, но и знаем, когда их нет. Персы... они слишком жестоки, любовь моя. И их

много, как песчинок в пустыне. Если они победят, ты должна спасти детей и себя от того, что произойдет.

– Если это приказ моего мужа, я сделаю так, как ты говоришь.

Она покорно склонила голову, хотя, когда их взгляды встретились, он поймал себя на том, что усомнился в ее искренности. Ее семья была богатой и могущественной на протяжении веков. Долгое богатство давало им чувство уверенности не в последнюю очередь в своей способности выживать. Он видел это в ней. Ему оставалось только молиться – Аресу, Зевсу, богине брака Гере, – что беда обойдет Агаристу стороной и жена никогда не узнает, насколько в самом деле хрупок мир.

Он поцеловал ее – без страсти, на прощание и с обещанием:

– Если смогу, вернусь.

Он не сказал, насколько мал в его представлении этот шанс. Те греки, которые думали, что смогут победить, никогда не видели персидских армий. Эти армии напоминали черную саранчу в Ионии – и даже они, как говорили, были лишь малой частью целого. Ксантипп сражался против их гарнизонов, поддерживая греков, лишь хотевших всего-навсего жить свободно. Он собственными глазами видел месть персов, обращенную на невинных людей. Редкий сон обходился без того, чтобы та или иная картинка из прошлого не вернулась и не вырвала его из дремоты. Лекарь Агаристы сказал, что сны исчезнут через несколько лет, но, похоже, такого запаса времени у него не будет. Ему, человеку, видевшему, как горели Сарды, пришла пора сражаться на греческой земле.

Ксантипп взял шлем и с силой нахлобучил на голову. Собранные в узел волосы смягчили удар. Подкладка была старая, и он, едва надвинув шлем, уловил знакомый запах пота и прогорклого масла. Теперь он смотрел на мир через проем, напоминавший рукоять меча. Сами собой пришли воспоминания о тех днях, когда ему случалось носить шлем, и настроение тут же омрачилось. Он бережно взял копье и щит, проверил на прочность крепления. На поле возле Академии будут совершаться кровавые жертвоприношения, и его, как одного из старших членов собрания – *эклесии*⁴, легко могли выбрать для того, чтобы зарезать барана – богам ради доброго расположения. Конечно, убивать людей тоже могли назначить его.

– Ты вернешься домой, – внезапно сказала Агариста. – Со славой и львиным щитом. Я вижу это, Ксантипп. Теперь я это вижу.

Он не мог в шлеме поцеловать ее, но она снова обняла его, цепляясь за доспехи. Краем глаза он заметил собравшихся поодаль рабов и прислугу.

Человек пятьдесят бросили работу, чтобы посмотреть, как их хозяин уходит на войну. Повара и пожилые садовники преклонили колени, когда он проходил мимо. Мальчишки из конюшни уставились, открыв рты, на человека в золотистой бронзе, идущего сражаться за них и за город.

За стенами светило солнце, и дорога была на удивление тихой.

Ксантипп ожидал увидеть толпы беженцев, желающих выбраться из города. Но жители, скорее всего, понимали то, чего не понимала его жена. Бежать некуда. Персы пришли. И если не сбросить их обратно в море, наступит конец.

Ксантипп негромко поблагодарил конюха, который привел коня, и кивнул двоим сопровождающим. Оба – и Ксений, и Теос – были свободными людьми, хотя и заслужили эту свободу торговлей и ремеслом. И тот и другой стояли с серьезным выражением лица, и у Ксантиппа отчего-то возникло ощущение фальши, неправильности происходящего.

С одной стороны, его провожали жена и ее рабы. Дети, конечно, выбрались из дома, вскарабкались на стену и смотрели на него сверху, как маленькие совы. Ксантипп кивнул Арифрону. День был почти обычный. С другой стороны, перед ним зияла темная бездна. Ксантипп

⁴ *Эклесия* – высший орган государственной власти в Древней Греции, народное собрание.

уже ощущал наступающую тишину, до прихода которой были считанные мгновения. Он и его люди оставляли дом и отправлялись туда, где целая армия собиралась уничтожить врага или погибнуть.

Он должен был уйти, покинуть семью. Страх и ответственность за происходящее лежали бременем тяжелее доспехов. Он передал щит и копье помощникам и, забравшись на коня, взял поводья. Ксений и Теос пристроились рядом, кожа обоих блестела от масла и выступившего пота. Ксантипп повернулся спиной ко всему, что любил, и звонкие голоса звавших его детей полетели вслед, затихая с каждым шагом. Он не оглянулся.

Глава 2

Академия создавалась как гимнасий для молодых воинов города. В то время, когда его только заложили вокруг священной рощи из двенадцати оливковых деревьев, это было место необычайной красоты, со статуями и беговой дорожкой вдоль берегов реки. Более ста лет учреждение пребывало в небрежении, и теперь мха и травы росички на дорожке было больше, чем золы и мелких камешков. Без должного ухода рощи и тропинки заплывли глиной и заросли сорняками. Место стало символом безнадежности, и Ксантипп угрюмо насупился, проезжая мимо. Ксений и Теос скакали рядом, заражаясь от господина его настроением.

Миновав Академию, Ксантипп немного приободрился от вида построения шеренг. Только боги или спартанцы могли бы собраться на войну быстрее, чем его народ. Хотя было едва за полдень, он увидел знамена уже всех десяти племен города. Найти свою филу Акамантиды не составило труда. Многих из тех тысяч, командовать которыми ему предстояло, Ксантипп мог бы назвать по имени и, конечно же, всех из его родного дема Холаргос. Их набралось около сотни, и каждый из них хорошо знал Ксантиппа.

Он приветствовал их, сложив руки, когда проходил вдоль шеренги, останавливаясь, чтобы перекинуться парой слов с теми, кого считал друзьями. Одеты все были одинаково: шлем, нагрудник, поножи. С мечом, копьем и щитом стоимость всего комплекта могла быть какой угодно, вплоть до годовой суммы дохода. Большинству экипировка и оружие достались по наследству или были завоеваны на поле боя.

– Вот он! – воскликнул знакомый голос.

Произнесший эти слова присутствовал в Ионии во время кампании в Сардах. Эпикл сам по себе был богатым человеком, хотя его семья сколотила большую часть состояния на торговле маслом и инжиром, а не на военных трофеях. Один из четырех братьев, Эпикл, по его словам, вытянул короткую соломинку и с юных лет занимался воинской подготовкой, а не чем-то более стоящим, например политикой или стихосложением. По правде говоря, Эпикл был так же искусен в пиррическом танце, как и любой воин, которого Ксантипп когда-либо встречал. Он не был создан ни для жизни торговца, ни для подсчета ритма в стихотворной строке. Навыки, полученные в учебном бою с ним, наверняка не раз спасли Ксантиппу жизнь.

– Мне нравится щит, – сказал Эпикл. – Лев лучше, чем твой старый мертвый глаз. Агариста, да?

Ксантипп почувствовал, что краснеет:

– Да. Ей приснился лев. – Он предпочел сменить тему. – Какие здесь новости?

Эпикл все еще натирал кожу маслом и разминал мышцы. Он носил блестящий бронзовый нагрудник, обрекая себя лишней тяжестью ради того, чтобы походить на Геракла. Или же ради восхищенных и завистливых взглядов молодых воинов, подумал Ксантипп. Эпикл бывал удивительно тщеславным. Когда-то он носил копье Ксантиппа – мальчик, следовавший за своим бронзовым героем. Теперь было странно видеть, что вокруг его глаз залегли тонкие морщинки.

– Жужжат там, как дикие пчелы, – ответил Эпикл.

Ксантипп посмотрел через поле на массивный каменный алтарь, окруженный людьми в доспехах. Шлемы с гребнями лежали на земле рядом со щитами и копьями, очень похожими на его собственные. Ксантипп мгновенно узнал в смеющемся мужчине Фемистокла. Этот человек выделялся в любой группе, возможно благодаря копне темно-русых волос, собранных в низкий пучок.

«Если бы он оставил волосы распущенными, – подумал Ксантипп, – Агариста наверняка заметила бы в нем сходство со своим львом».

Рядом с Фемистоклом стоял человек, которого Ксантипп уважал больше, чем всех остальных, хотя, как ни странно, тот мог легко остаться незамеченным. Как и Фемистокл, Аристид был одним из влиятельнейших людей Афин, но держался и вел себя намного спокойнее и рассудительнее. Когда Аристид выступал на собрании, люди умолкали, склонив головы, чтобы не пропустить ни слова. Говорили, что Фемистокл первым призывает к доблестной атаке, но Аристид придаст ей верное направление. Афиняне ценили обоих мужей, но, по слухам, эти двое ненавидели друг друга.

К алтарю и от него, здесь и там носились гонцы и рабы, так что сравнение с рассерженными пчелами показалось Ксантиппу подходящим. Наблюдая за племенами, все еще выстраивающимися в колонны в преддверии марша, он почувствовал, как вдруг пересохло в горле, и с натугой сглотнул.

– Воды сюда!

Проходивший мимо мальчик резко остановился и протянул мех. Вода оказалась теплой, как кровь, и пока Ксантипп пил, его мочевой пузырь сжался.

Десять тысяч одетых в бронзу афинских воинов составляли всю армию. Кому-то это число могло показаться невероятным – столько людей, которых нужно экипировать, поить и кормить, – и все же их было не так много, как требовалось.

– А что Спарта? – спросил Ксантипп, возвращая мех. – Они идут?

– Я слышал, там праздник, – с кислой миной ответил Эпикл. – И вроде бы до его завершения они выйти не могут.

– Тогда, возможно, нам следует подождать, – сказал Ксантипп.

– Да. – Эпикл коротко рассмеялся, скорее горько, чем весело. – Им бы понравилось, если бы Афины ждали их. Разве мы не можем начать войну без их разрешения, без того, чтобы они держали нас за руку? Клянусь Афиной, нет!

Увидев на лице Ксантиппа скептическое выражение, он покачал головой:

– Тысяча воинов пришли из Платеи – посмотри, вон они, со своим стратегом Аримнестом. Почему нет? Мы спасли их однажды, когда им угрожали. Хорошие люди помнят о долге и возвращают его, когда могут. Платейцы – молодцы!

Улыбка на его лице сменилась выражением досады.

– Однако, – продолжил он, – есть и другие долги, которые никак не возвращают. Никто не стоит больше рядом с нами. Но мы знаем, с чем столкнемся. Наши разведчики вернулись, и они не обеспокоены.

Эпикл говорил со смехом в голосе – для всех, кто слышал. Но глаза его не смеялись.

– Персы уже высадились на побережье. – Он наклонился ближе. – Может быть, двадцать тысяч, может быть, тридцать, и столько же гребцов на кораблях. На том берегу говорят, что Эретрии больше нет – догорает. Но послушай, Ксантипп. Нам нужно выступить сегодня. Нужно ударить первыми, пока враг не зашел далеко вглубь страны. До того как персы построят укрепления, у нас есть один шанс отбросить их обратно в море. Так что мы не ждем спартанцев. Пусть они придут, когда мы победим. Тогда я с удовольствием посмотрю на их физиономии!

– По крайней мере, это означает, что у персов не будет конницы, – сказал Ксантипп.

Эпикл покачал головой:

– Они и лошадей свели с кораблей.

Мужчины обменялись встревоженными взглядами. Каждый стоявший на площади под завывание флейт и размеренный бой отбивающих такт барабанов знал, что на поле боя нужно бояться всадников. Они слишком быстры.

– Тогда где же они причалили? Далеко отсюда? – спросил Ксантипп.

Он чувствовал, как колотится сердце, но не от волнения или страха, а от нетерпеливого предвкушения. Он выступит со своим народом, с десятью тысячами гоплитов. Это элитные солдаты Афин. Они не проиграют.

Эпикл ткнул острием копья в пыльную землю:

– На равнине, где растет фенхель, у моря. Думаю...

Он замолчал, когда архонт – самый старший стратег афинских войск – призвал всех к вниманию. В облике Мильтиада – густая борода, стеганый панцирь с полированными железными шишками – было больше восточного, чем греческого. Его обнаженные сильные руки, заросшие черными волосами, отнюдь не навевали мыслей о нежных ласках. Похожие на колотушки, они были созданы давить и душить.

По его приказу Фемистокл и Аристид встали во главе двух племен в центре. Сам Мильтиад, будучи архонтом, командовал гоплитами Платеи и всеми десятью афинскими стратегами. Его место было на левом фланге, основу которого составляла его собственная община. Ксантипп сглотнул. Именно там должна была расположиться фила Акамантиды. Там каждый знал бы тех, кто рядом, по школе и учебе, по работе и собранию. Они несли щиты с символами своих домов, своих отцов. Под взором наблюдающих за ними духов предков они никогда бы не ударились в бегство. Тем более на виду у платейцев! И не было бы историй о трусости афинян, которые передавались бы потом по всей Греции. Вот почему они так упорно тренировались. Вот почему изматывали себя по утрам на дорожках гимназия. Ради таких дней, как этот.

У каменного алтаря Мильтиад зажал ногами здорового черного барана и схватил его за голову, хотя тот отчаянно сопротивлялся. Ксантипп видел, как свернули драгоценные карты и приготовили бронзовые чаши для крови и печени. Два прорицателя встали рядом с архонтом, готовясь прочесть будущее. Все умолкли, и в воцарившейся тишине было слышно, как хлопают на ветру знамена.

Одним резким движением Мильтиад рассек барану горло. В предсмертной агонии животное дернуло ногами и тяжело ударилось о камень алтаря, чаши задрожали. Фемистокл, поспешив на помощь, схватил барана за шерсть и направил струю крови в чаши. Немного погодя двое мужчин вскрыли мертвое животное большим разрезом посередине. Кровь до локтей покрыла их руки и забрызгала лица. Они вырезали блестящую под солнцем печень и поместили ее в чашу, чтобы отдать для изучения старейшему прорицателю.

– Он будет в восторге, – прошептал стоящий рядом с Ксантиппом Эпикл. – Никогда не видел столь хорошего предзнаменования.

Эти слова прозвучали в тот самый момент, когда верховный жрец Афин указал на какой-то аспект формы печени и лицо его просветлело. Военачальники расслабились, и Ксантипп довольно кивнул, хотя и злился на Эпикла из-за его непочтительности. Не должно насмехаться над такими вещами. Ксантипп снова вспомнил, что уже лишился глаза на щите, и поймал себя на том, что бормочет молитву Аполлону – за сохранение зрения. Мысль о слепоте наполнила его таким страхом, какого не могла бы внушить сама смерть. Возможно, потому, что представить себя слепым он мог, тогда как реальности смерти до сих пор еще не постиг.

Мильтиад вознес молитвы и начал приводить к присяге афинских гоплитов. Все праздные разговоры прекратились. Платейцы стояли, склонив головы и сложив руки в молчаливом почтении. Десять тысяч голосов произносили торжественные слова вместе с Мильтиадом, и Ксантипп чувствовал, как теплеет на сердце.

– Я не опозорю свое копье и щит и не покину строй. Я буду защищать священное и верну землю более сильной, чем я ее нашел. Я буду слушать тех, кто приказывает мне, и подчиняться законам моего города. Если кто-нибудь попытается их отменить или будет угрожать мне, я не отступлюсь. Я никогда не отступлюсь. Я чту культы и верования. Мои свидетели – боги: Арес и Афина, Зевс, Талло, Ауксо, Геракл. Мои свидетели – границы земли и ее пшеница, ячмень, маслины, смоквы и виноградные лозы. Мои свидетели – те, кто сегодня стоит рядом со мной.

Строй взревел – и платейцы присоединились к нему. Когда последние отголоски этого великого приветствия затихли, Мильтиад занял место рядом с той частью шеренги, которая должна была стать левым флангом. Протрубили рога, и архонт кивнул Ксантиппу в знак при-

ветствия. Мильтиад пойдет с ними, гоплитами своего города. Конные разведчики и посыльные выехали вперед. Обоз выстроился позади – слуги и оружейники, повозки, мехи с водой, музыканты. Они пойдут налегке и быстро, с припасами, которых хватит на один вечерний прием пищи, достаточный для выживших. Что касается остальных, то им предстоял пеший марш к побережью и равнине у поселения Марафон.

Глава 3

Они двинулись на восток, обходя справа охряные горы и зеленые заросли кустарника, петляя по прибрежной тропинке, под достигшим зенита и словно застывшим в полудне солнцем. Разведчики уносились вперед, кто пешком, кто на резвых лошадках, таких же жилистых, как они сами. Возвращаясь, они сначала докладывали архонту Мильтиаду, а затем, проходя вдоль колонны, – другим стратегам. Ксантипп смотрел, как парни подъезжают, спешиваются и идут рядом с командующим, рассказывая обо всем, что видели. Их простая работа не требовала особых навыков, и потому некоторые были немногим старше обычных мальчишек. При этом они едва не лопались от энтузиазма или собственной важности. Был ли он когда-то таким же молодым? Иногда воспоминания подступали так близко, будто относились к событиям сегодняшнего утра. Но порой он с трудом мог вспомнить былую невинность, уверенность и силу, которые, как предполагалось, пребудут с ним всегда.

Возглавлял колонну Мильтиад, рядом с ним шагали знаменосцы и мальчишки-барабанщики. Суровый, с обветренным лицом, архонт шел достаточно легко для мужчины на шестом десятке, по крайней мере пока его щит и копье несли рабы. Впрочем, и то и другое было при творством. Мильтиад не стал бы драться вместе со своим демом, а остался бы в стороне, управляя войском. Другие стратеги сражались в строю, но на поле боя требовалось обязательное присутствие хотя бы одной холодной головы.

Рядом с Мильтиадам шел еще один человек, которого Ксантипп знал не очень хорошо. По статусу Каллимах был полемархом, военачальником, назначенным собранием на роль консултанта, – его глазами и ушами в этом походе. Ксантипп заметил, что Каллимах был без доспехов. В плаще-хламиде, хитоне и сандалиях, он словно отправился на загородную прогулку. Полномочия, которыми его наделили, истекли еще до того, как колонна ушла с поля возле Академии. Не имея личного военного опыта, Каллимах сразу же уступил их Мильтиаду, как будто у него был выбор.

Видя, как Мильтиад, наклонившись, выслушивает гонцов, Ксантипп сгорал от желания поскорее узнать новости. Он не мог пройти к ним вперед. Его долг – оставаться с теми, кого он поведет в бой. Конечно, Эпикл уже предложил – даже не потрудившись понизить голос, так что его слышала вся сотня – выведать, что происходит. Ксантипп не ответил. Стратеги не торговцы сплетнями на рынке, чтобы собираться кучкой вокруг одного из своих. Нет, он подождет, и Эпикл прекрасно это знал. Ксантипп заметил веселый блеск в глазах друга и вполголоса выругался, продолжая терпеливо шагать дальше. Когда следующий мальчишка побежит с новостями вдоль колонны, он свистом подзовет его к себе, чтобы не остаться незамеченным. Вот таких, как Эпикл или Фемистокл, не обходили вниманием никогда. Они бросались в глаза.

Понимая, что выглядит рассерженным, Ксантипп опустил голову. Да, он пребывал в плохом настроении, но, учитывая то, что ждало впереди, каким еще оно могло быть? Когда кто-то высказал мнение насчет уже пройденного ими расстояния, Ксантипп оборвал его с беспричинной резкостью, чем удивил самого себя. Он тут же пожалел об этом, увидев, как вспыхнуло гневом лицо мужчины, но взять свои слова обратно уже не мог, а извиняться не научился. Не важно, чего боялись люди – его нрава, политического влияния или возможностей богатых родственников его жены, – значение имело лишь то, держат ли они строй, когда приказано стоять, и идут ли вперед, навстречу камням и стрелам, когда приказано наступать. Только это помогло бы им выжить и увидеть закат.

Марафон находился всего в пяти часах марша от Афин, самое большее – в ста шестидесяти стадиях, счет которых объявлялся после каждых двухсот шагов. Дорога под ногами была самая обычная грунтовая, и в летний месяц метагейтнийон она, по крайней мере, оставалась сухой. Самый длинный день в году миновал, но они все равно предполагали добраться до места

высадки персов при хорошем свете. Только тогда Мильтиад и стратеги решат, следует ли атаковать с ходу или отступить в безопасный лагерь.

Ксантипп с раздражением наблюдал, как Мильтиад продолжает дотошно, словно в его распоряжении все время мира, расспрашивать идущего рядом с ним разведчика. Понимал ли он, что новостей с тревогой и нетерпением ждет вся колонна, что каждый воин жаждет узнать, что происходит? Впрочем, никаких признаков недовольства никто не выказывал. Афиняне были дисциплинированным народом. В то утро они все, как и он сам, покинули свои дома. Все носили одинаковые бронзовые доспехи, копья и мечи. Возможно, они так же хорошо осознавали, что стоит на кону. Эта мысль помогла Ксантиппу успокоиться.

Фемистокл и Аристид шли в середине марширующей колонны, что в бою позволило бы им развернуться и образовать центр строя. Услышать доклады разведчиков раньше Мильтиада они не могли. Оглянувшись, Ксантипп увидел – или это только показалось? – что Фемистокл с недовольством смотрит на него. Высокий, крупного телосложения, длинноволосый, он выделялся в любой толпе и привлекал к себе всеобщее внимание. И снова Ксантипп даже не улыбнулся. На марше, в отличие от собрания, их мелкое соперничество было просто неуместно. Хвастун и позер, Фемистокл был в то же время прирожденным вожаком благодаря чему-то такому, чего Ксантипп понять не мог. Он смеялся с людьми, откровенничал, поверял личное и хватал в разговоре за плечо, а они отзывались на это, хотя должны были презирать военачальника, добивающегося дешевой популярности и благосклонности у подчиненных. Даже старые солдаты, мужи крепкой закалки, пронять которых чем-либо было невозможно, улыбались, как мальчишки, когда смотр проводил Фемистокл. Ксантипп сам был тому свидетелем. Здесь крылась какая-то загадка. Люди должны видеть твою силу, их нельзя подпускать слишком близко, с ними недопустима мягкость. Не может командовать человек, который несет мех с вином и пьет так, что у него уже льется из носа.

При этой мысли Ксантипп покачал головой. Врагам Фемистокла нравилось изображать его шутком, легкомысленным и непостоянным. Ксантипп полагал, что все не так просто. Его честолюбие было налицо. В Фемистокле же черствость сочеталась с веселостью, он жил так, будто ничего в мире не воспринимал всерьез. Что думать о таком человеке? В любом случае Ксантипп был рад, что они не будут сражаться бок о бок. Фемистокл был камнем, брошенным в тихую воду. Теперь, когда общее командование взял на себя Мильтиад, долг каждого из десяти стратегов заключался в том, чтобы исполнить приказ, выстоять и сокрушить врага.

У Ксантиппа снова пересохло в горле, и он попросил воды. Обернувшись, к нему бросился мальчик, который только что стоял рядом с Мильтиадом. Спросить, что там нового, как делают мужчины, когда встречаются на агоре, казалось вполне естественным. Мальчишка-водонос покраснел от гордости и протянул мех с водой, уже похудевший больше, чем следовало бы. Вода ценилась дорого, поскольку найти ее в этих местах было нелегко.

«К концу дня все будут хрипеть, как вороны», – подумал Ксантипп, потому что видел такое раньше.

– Разведчик говорит, что там по меньшей мере десять тысяч всадников и вдвое больше пеших, – сказал мальчик.

Ксантипп только махнул рукой, хотя воины вокруг него спотыкались о собственные ноги, пытаясь извернуться так, чтобы услышать новости. Оценивать большие скопления людей, как известно, трудно – обучить этому навыку или выработать его тренировкой почти невозможно. Но Ксантипп видел отдельные гарнизоны на Ионическом побережье, не уступавшие колонне гоплитов, в которой он сейчас шел, причем стояли эти гарнизоны на самых окраинах персидских земель. Пленные, которых они захватили, хвастливо утверждали, что дальше, в сердце страны, оружие носят миллион человек и есть множество полков численностью в десять тысяч каждый. Оставалось только молиться, чтобы все это оказалось ложью, призванной вселить страх в сердца врагов.

– Что-нибудь еще? – спросил он, глядя вперед.

Как и Фемистокл, Ксантипп был выше большинства соплеменников. Боги наградили сыновей рыбаков и богачей статью и ростом, чтобы они отличались уже одним своим видом. Поверх голов Ксантипп различил возвращающегося разведчика. Другой мальчишка сосредоточенно докладывал о чем-то Мильтиаду, руками выводя в воздухе какие-то фигуры.

– Говорят, их корабли идут вдоль побережья из Эретрии, – ответил Ксантиппу водонос. – Разведчик сказал, что несколько его товарищей поднялись на холмы и увидели дым над портом.

Сердце Ксантиппа сжалось от тревоги. Ложь и дикие слухи распространяются всегда, когда приближается война. Но кажется, Эпикл был прав. Эретрия находилась недалеко от Марафона, на обширной полосе суши, протянувшейся через открытое море. Длинная цепь древних холмов являлась частью естественной защитной линии, закрывавшей Афины от ярости Посейдона. Эретрия была богатым портом, с населением около тридцати тысяч человек. Если город захватили персы, его жителей ждали невообразимые ужасы.

Ксантипп кивнул, скрипнув зубами. Он ненавидел персов за их высокомерие и злобную жестокость. Персы были причиной терзавших его ночных кошмаров. Иногда ему казалось, что он повидал слишком много, чтобы хоть когда-нибудь хорошенько выспаться.

– Отнеси воды тем, кто дальше.

И снова это прозвучало жестче, чем ему хотелось бы; парнишка смутился и почти обиделся. Ксантипп протянул было руку, чтобы взъерошить ему волосы, но водонос увернулся и побежал вдоль строя, неся мех на плече.

Между тем разведчик сел на лошадь, собираясь уехать и унести с собой то, что узнал. Преисполненный сознанием собственной важности, он, казалось, не замечал Ксантиппа, пока стратег не поднял правую руку, подзывая его. Но даже и тогда разведчик как будто колебался. Оглянувшись через плечо, Ксантипп увидел, что Фемистокл тоже пытается призвать его к себе энергичными жестами. Стратегам определенно не хватало терпения! А ведь они шли маршем всего лишь чуть больше двух часов и еще не преодолели и половины расстояния до врага.

Как раз в этот момент колонне пришлось прижаться к морю, чтобы обогнуть протяженную гряду холмов, бросавших тень на уходящую вперед дорогу. Ксантипп даже выругался, когда увидел это. Неужели еще одно дурное предзнаменование? Без привычного глаза на щите ему совсем не хотелось проходить через холодную тень непосредственно перед битвой. Все это слишком напоминало предупреждение о смерти.

Солнце припекало и жгло шею. Ксантипп окинул взглядом словно расширившееся вдруг море и, сбившись с шага, врезался в идущего впереди, тот споткнулся и выругался. Некоторые уже вытягивали руки, привлекая внимание к появившимся в поле зрения кораблям. Ксантипп с усилием сглотнул, сожалея, что водонос не побежал обратно.

В темных водах появился флот. Корабли не были изящными, как у эретрийцев и афинян, или более мелкими, как у Спарты. Любой, кто вырос в порту, мгновенно понял бы, что это нечто незнакомое, чужое. На развевающихся флагах были начертаны странные символы и буквы, которых никто не знал. Корабли двигались странно, в каком-то неспешном, рваном ритме, задаваемом гребцами, сидевшими ближе к носу. Неправильными были и размеры; обращали на себя внимание тяжелые широкие палубы. Ксантипп подумал, что суда наверняка плохо справляются с волнением, хотя, возможно, они избежали четырех месяцев зимы, когда только сумасшедшие и самоубийцы отваживались выходить на глубину. Большинство торговцев даже в летние месяцы старались не удаляться от побережья. И все же это были военные суда, перевозившие армию. И потому, что их было слишком много, они никак не могли оказаться чем-то другим.

Дорога, по которой двигалась колонна, приблизилась вплотную к морю и лишь затем стала постепенно уходить в сторону. Ксантипп попытался сосчитать корабли, которых было больше, чем он когда-либо видел прежде. Зрение у него было хорошее, хотя суда смешались

и расплывались вдаль, затрудняя его задачу. Все равно что просить мальчишку сосчитать солдат, с усмешкой подумал он. Сколько из этих крошечных пятнышек были триерами, уходившими после высадки войск? Сколько из них еще не успели разгрузиться? Доставили ли они лошадей для конницы? Каменные блоки для укреплений, оружие? Корабли двигались, сбивая с толку, путая, мешая сосчитать их.

Марширующая колонна повернула от моря. Проходя под сенью скал, Ксантипп ощутил понижение температуры, но оно осталось почти незамеченным. Болтовня и нервный смех в колонне смолкли, теперь каждый размышлял о том, что могло означать появление такого огромного флота. Не более двух часов отделяло их от встречи с армией, которую доставили эти корабли, а она только что одержала победу в Эретрии, за проливом.

Все чаще Ксантипп ловил взгляды солдат. Людей нужно было успокоить, иначе у них могли сдать нервы. Возможно, справиться с собственным страхом не мешало бы и ему самому. Насколько он знал, это было единственное, что хорошо получалось у Фемистокла. Впервые за весь день Ксантипп улыбнулся. Нет. Конечно, он не станет со смешком похлопывать по спине своих ребят, как это делал Фемистокл. Он не станет раздавать им обидные прозвища, которые могут привести к тому, что люди начнут хвататься за ножи. У него был другой стиль. Но Ксантипп все равно чувствовал на себе их взгляды. Он знал, что Аристид поговорил бы с ними и ободрил. Они не были золотыми автоматами, которые, как говорили, прислуживали в Олимпии, творениями из металла, созданными для удовлетворения любой прихоти богов. Нет, это были обычные люди, в животе у которых, словно проглоченная гадюка, скручивался кольцами страх.

– Я видел, как персы сражались в Ионии, – сказал Ксантипп.

Он старался говорить четче и понятнее. Агариста как-то заметила, что у него хороший голос, глубокий, выразительный и сильный, каким и должен быть голос мужчины. Теперь он воспользовался природным даром.

– Персы отдавали предпочтение пращникам и лучникам, которых было очень много, столько же, сколько же пехотинцев. Их военачальники были храбры и носили чистые одежды. Я сам это видел. Но вот остальные... они плохо обучены. Они бегут, если сражение складывается не в их пользу. Они ломаются, как гнилое дерево. Я видел спины тех, с кем мы столкнулись в Ионии. Сегодня я снова увижу их спины.

Он сделал паузу и был вознагражден одобрительными смешками тех, кто его слушал. Получилось, конечно, не идеально – кто выступает с речами на марше, фактически в процессе движения? Из-за топота ног и скрипа доспехов его слышали только ближайшие гоплиты. Но на них его слова произвели впечатление, и Ксантипп продолжил, повысив голос, чтобы услышали и дальние.

– Все, кто служит персидскому царю, – рабы, кроме ближайших родственников и нескольких избранных любимчиков, остальные для него ничего не значат. Он расходует их так, будто они ничего не стоят. Запомните это. Мы – свободные люди Афин. Мы – бронза, мы – золото и серебро. Величайшие воины Греции, потомки Тесея, возлюбленного Афины, который принес нам оливу. Никакие необученные рабы не могут победить нас. Мы выносливее, быстрее, сильнее всех, кого они могут выставить на поле боя. Помните об этом, когда вам скажут держать строй. Они выбьются из сил, выдохнутся, как забежавшие собаки, а мы будем стоять, свежие и готовые продолжать.

Сказанное было верно в отношении него самого и всех стратегов. Мог ли он быть уверен, что каждый из афинских гоплитов провел в гимнасии столько часов, сколько требовалось? И все-таки люди остались довольны. Не более двоих из десяти раньше сталкивались с персами. Некоторые были вдвое моложе и только-только начали двухлетнюю военную подготовку после восемнадцати лет. Если ветераны-стратеги говорили, что персов можно победить, решимость новобранцев только крепла.

– Прекрасные слова, – произнес чей-то голос.

Ксантипп оглянулся и удивленно моргнул при виде Фемистокла, идущего вдоль марширующей колонны. Конечно, такой человек не считал себя обязанным оставаться на одном месте. Правила не распространялись на Фемистокла! В этом он походил на Агаристу, подумал Ксантипп. Ее дядя создал основополагающие структуры Афин, отбросив при этом многовековые традиции. Человек он был дальновидный, и его нововведения служили теми связующими нитями, которые привлекали новых людей к участию в управлении городом, в работе судов, в составлении законов. В мире не было ничего похожего на афинскую демократию. Но в частном порядке Ксантипп знал, что его жена считает свою семью стоящей выше законов, защищенной от воли народа способом, который он с трудом мог понять.

Фемистокл обладал такой же странной уверенностью, когда дело касалось правил. Ксантипп задавался вопросом, боится ли он подвергнуться ostracism – десятилетнему изгнанию, для которого требовалось всего шесть тысяч голосов жителей города. Этот закон разработали и ввели, чтобы предотвратить появление тиранов, но с его помощью можно было так же легко остановить такого, как Фемистокл.

– Спасибо, стратег, – сказал Ксантипп, осознав, что пауза затянулась.

– У тебя больше опыта, чем у кого бы то ни было, за исключением, возможно, Мильтиада. Ты должен быть рядом с ним, давать ему советы. Этот Каллимах ничем ему не поможет.

– Я служу на его фланге, – ответил Ксантипп. – Этого достаточно.

Пытался ли Фемистокл польстить ему или просто подводил к тому, чтобы он сказал что-то такое, о чем будет сообщено позже и что может быть использовано против него? Ксантипп не знал, но понимал, что доверять Фемистоклу не стоит.

Эту манеру поведения Ксантипп перенял у Аристида. Он не поддастся искушению улыбнуться или рассмеяться и не допустит, чтобы его вынудили высказать опрометчивое и необдуманное мнение. Выбранный им оборонительный стиль стоял твердой стеной против живого, быстрого ума того, кто с блеском в глазах наблюдал за ним.

– Я рад, что ты видел спины персов, – сказал Фемистокл, повернув голову так, чтобы его услышали не только в ближайших шеренгах. (Интересный прием, подумал Ксантипп.) – Мы увидим такое снова, возможно, сегодня до захода солнца. Знаешь, я сначала разозлился, когда услышал, что спартанцы не собираются в поход. Представляю, как они сидят там, размахивая своими дымящимися миртовыми ветками, в то время как мы защищаем побережье. Это оскорбление! Какой праздник может быть важнее матери всех городов? Позволить персам пройти маршем через Пелопоннес, потому что спартанцы ждут новолуния?

Некоторые засмеялись, но Ксантипп нахмурился, чувствуя себя неловко оттого, что другой стратег так легко допускает богохульство. Богов слишком легко обидеть, уж он-то знал это очень хорошо.

– Но потом, – продолжил Фемистокл, – я подумал: как будет приятно, если спартанцы опоздают к сражению, в котором мы уже победили!

При этих словах Ксантипп посмотрел на Эпикла. Его друг ухмыльнулся, услышав эхо своих собственных чувств.

Фемистокл усмехнулся и покачал головой:

– Я провел утро, размышляя, что бы такое сказать им в этих обстоятельствах! Можете представить себе их физиономии? Говорю вам, я предпочел бы сражаться рядом со своими братьями, афинянами, нашими гоплитами...

Его голос слегка посуровел и зазвучал чуть громче, привлекая все большее внимание. Ксантипп поймал себя на том, что его собственное сердце забилось быстрее вопреки всем сомнениям.

– ...ради нашей победы. Я бы не променял свое место в этих шеренгах на дворец в Спарте или где-либо еще в Греции. Клянусь Аресом и Аполлоном, победа будет за нами! Слава будет

за нами! Мы не будем делиться этим ни со Спартой, ни с Фивами, ни с Коринфом, по крайней мере сегодня. Потому что мы – одно целое. Мы Афины. Один народ, один язык, одна культура!

К удивлению Ксантиппа, люди поддержали эти слова восторженными криками. Он даже заметил, что Фемистокл бросил взгляд в его сторону, словно хотел посмотреть, как другие оценивают представление. Этот человек сделал нечто важное. Все они ощутили холодок внутри при виде огромного флота, напоминающего рой водных насекомых. И вот теперь Фемистокл поднял им настроение, ободрил и даже вернул легкость шагу. Ксантипп понимал, что это не мелочь. Он склонил голову в знак признательности, и Фемистокл моргнул от удивления и вроде бы даже удовольствия от такого ответа. В следующее мгновение здоровяк повернулся и пошел дальше, похлопывая ладонью молодых гоплитов, отчего те кивали и улыбались.

Продолжая молча наблюдать за удаляющимся Фемистоклом, Ксантипп заметил, что стратег устроил еще одно точно такое же представление, совершенно не смущаясь тем, что идущие сзади могли его слышать. Ксантипп также обратил внимание, что люди рядом с ним улыбаются и вытягивают шеи, чтобы еще раз услышать то, что они уже слышали. Он покачал головой и криво усмехнулся. Фемистокл был жизненно важной частью их сил, но Ксантипп не мог проникнуться теплым чувством к человеку, который так легко всем нравится. Такому человеку нельзя доверять. Хорошо бы, подумал в какой-то момент Ксантипп, чтобы Аристид тоже прошел вдоль колонны и показал людям настоящее достоинство. Но конечно, Аристид никогда так не сделает, а значит, воины запомнят, что перед сражением рядом с ними шел и говорил Фемистокл.

Глава 4

Широкая бухта подходила для их целей идеально, посчитал полководец Датис. Чайки кричали над головой, и в воздухе стоял острый запах соли и моря. Некоторые персидские военачальники терпеть не могли глубокие воды. Датис понимал их страх. Не имело значения, научился ты плавать в детстве или нет. Если человек в доспехах падал за борт, тяжелое снаряжение тянуло его на дно, как бы он ни сопротивлялся, какие бы усилия ни предпринимал. Никого из тех, кто упал в море, больше не видели, пока их тела, унесенные течениями, не прибывало где-то к берегу. Сам Датис лишь теперь, достигнув зрелости, впервые узрел безбрежный голубой простор, тысячи оттенков волн и небо такое же огромное, как сама империя. Не то чтобы он осмелился сказать это вслух. Объять империю невозможно, так говорили жрецы Ахурамазды. Чтобы пересечь ее границы, не хватит и целой жизни; ее размеры выходят за рамки воображения простых людей.

Датис глубоко вдохнул, наслаждаясь запахом соли и морских водорослей. Говорили, что царь до сих пор доволен тем, как идет кампания. Флот купили и построили за два года. Когда в твоём распоряжении казна, возможно все. Империя сделала своей провинцией Лидию, государство, само название которого было синонимом невероятного богатства. Золото, серебро и драгоценные камни добывались везде, где любили великого царя. Ему ничего не стоило нанять одновременно десятки тысяч человек – строить, мастерить, работать в кузнице.

Чтобы освободить города Ионии от империи, греки собрали какие-то жалкие силы. В горящих Сардах они ужалили, как жалит рассерженная оса, после чего отправились домой, полагая, что смертельно ранили врага. На самом деле они только разбудили его. Датис улыбнулся созданному воображением образу. Удачное сравнение. Не повторить ли его вечером, на пиру для военачальников? Пожалуй, нет, рисковать не стоит. Кто-нибудь решит, что отныне империя не может спать спокойно, и донесет на него. Его лишат жалованья, понизят в чине и звании или, чего доброго и что гораздо хуже, нашепчут ядовитые слова в нужное ухо. До великого царя Дария доходила лишь малая толика новостей империи. Сатрапы были подобны маленьким богам, действующим от его имени. Ни один состоящий на службе человек не мог считать себя в безопасности, даже тот, кто командовал величайшим морским вторжением, которое когда-либо знал мир. В каком-то смысле Датис и достиг своего высокого положения потому, что прекрасно понимал, когда лучше промолчать.

За неделю до этого он привел флот в Эретрию. Все прошло как нельзя гладко, и Датис с гордостью вспоминал, что сам Дарий наблюдал за происходящим сначала со своего царского флагмана, а затем из возведенного на берегу огромного шатра.

Они убили всех греков мужского пола старше четырнадцати лет, а также всех женщин, которые уже не могли рожать и были слишком больны, чтобы работать. Остальных погрузили на большие транспортные корабли и доставили на побережье Ионии. Оттуда им предстояло отправиться в многомесячное путешествие по суше, в самое сердце империи. Тех, кто выживет, продадут, как экзотику, состоятельным людям, которые никогда не видели моря.

Найти богатство можно было и в храмах. Приношения, собранные там на протяжении столетий, оставалось только взять. Заинтересовать этими трофеями своего повелителя Датис не смог, но это не означало, что они остались и о них забыли. Золото есть золото и серебро есть серебро, независимо от выбитого на них изображения. И то и другое будет переплавлено, отлито заново и, пройдя через огонь, изменится до неузнаваемости – точно так же, как свободные люди, пройдя через клеймение раскаленным железом, становятся рабами.

Последних лошадей подвели к ожидавшим их кораблям. Гребцы подогнали суда к самому берегу, и они, прорезав килем канавки, выползли на песок и легли там, накренившись. Десятки их все еще лежали, как скорлупки, со сброшенными сходящими.

Лошадям и наездникам предоставили возможность снова скакать и дышать на твердой земле после слишком долгого пребывания на воде. Датис прекрасно понимал, что гордых скакунов не может стошнить, как бы они ни страдали. Им просто становилось все хуже и хуже от непрерывной качки, их глаза тускнели, и лошади начали умирать. Другое дело – люди. Через неделю-другую подбрасывания на волнах приближаться к транспортному кораблю следовало с подветренной стороны.

Датис видел мрачные лица людей, которые вели лошадей обратно на борт, в зловонные трюмы с их стойлами, грязью и кишасим крысами мраком. Но они не жаловались. Широкий равнинный берег, окруженный горами и болотом, был идеальным местом для отдыха и подготовки к следующему удару. Вторжение сказалось как на людях, так и на вещах. Эретрию они разорили достаточно легко. Как только армия погрузится на борт и корабли снова отбуксируют в море, флот поплывет вдоль побережья к Афинам, блокирует город и высадит сорок тысяч солдат-ветеранов. Это была хорошая мысль. Одних только рабов-гребцов у персов было больше, чем у греков солдат. Они еще устроят погребальные костры из греческих храмов, как сделали сами греки в Сардах.

Датис улыбнулся, наблюдая, как спускают на воду последний из конных транспортов. Небольшая лодка отошла от берега, унося канаты к другим кораблям, которые, используя силу весел и людей, потащат транспорт на глубокую воду. Задача одновременно деликатная и нервная.

Нередко случалось так, что целые корабли переворачивались на мелководье, топя всех, кто находился на борту. Датис посмотрел туда, где из тенистого уюта своего шатра наблюдал за происходящим сам царь, и коротко помолился. Только бы ничего не случилось. Только бы они удержали последний корабль в вертикальном положении. Говорили, что великого царя беспокоят дурные предзнаменования.

Датис невольно задержал дыхание, глядя, как последняя пара конных повозок катится к прибою. До него долетели сердитые голоса, ржание лошадей, но весла наконец опустились, веревки натянулись – и командующий облегченно выдохнул.

Когда весь конный транспорт будет в безопасности, начнется погрузка и самой армии, уже ждущей своей очереди. Изящные триеры кружили, как акулы, готовясь заполнить палубы людьми. Несколько уже приближались к берегу; их капитаны устали ждать, устали от воя ветра, качки и угрюмых рабов-гребцов, составлявших им компанию. Датис почувствовал, что расслабляется, когда первые колонны выстроились на берегу, готовые подняться на борт.

Этот участок побережья представлял собой идеальную, укрытую от волн естественную гавань. С тех пор как они пришли сюда накануне вечером, Датис не видел здесь ни малейшего волнения. Его люди хорошо поели и отдохнули, проверили снаряжение и оружие, записали все, что забрали из Эретрии, и отправили новых рабов. И все это за одну ночь. Империя работала без сбоев. Теперь Датис задавался вопросом, позволит ли ему великий царь построить там дом, когда вся Греция будет подчинена. Какой прекрасный вид открывался бы по утрам!

Взгляд Датиса устремился дальше, к равнине, которая простиралась от побережья до возвышающихся на горизонте гор. В результате он одним из первых увидел змею из золота и пыли, поблескивающую между холмами с запада. Заслонив ладонью глаза от послеполуденного солнца, он присмотрелся внимательнее и негромко выругался. Между тем ленивые разведчики увидели наконец идущую маршем колонну и протрубили в рог.

Ожидавшие на берегу замерли. Замерли даже весла, так что предоставленные самим себе военные корабли потянулись к полосе прибоя, рискуя наткнуться на камни. К тому месту, где стоял Датис, уже спешили посланные за распоряжениями гонцы. Ему предстояло принять решение под пристальным взглядом великого царя. Колебание стоило дорого: враг приближался, а набор возможных действий сокращался. Рассчитывать на конницу не приходилось,

это Датис понял сразу. Он просто не успел бы отозвать корабли и произвести высадку до подхода неприятеля.

Датис прикусил губу; первые подбежавшие рабы бросились на песок у его ног, ожидая приказов и пытаясь отдышаться. Он снова посмотрел на растянувшиеся по берегу войска. Под его командой было двадцать тысяч солдат, сердце и щит которых составляли десять тысяч «бессмертных». Внушительную силу представляли лучники и пращники, эфиопы. В общей сложности на поле Марафона его приказа ждали сорок тысяч ветеранов персидской армии. Он принял решение ровно в тот момент, когда к нему подбежал царский герольд.

– Государь, Богоподобный Царь и Отец Мира велит мне спросить, какие приказы ты отдашь людям.

Он не пал ниц, а просто поклонился. Датису этот человек не нравился, но он слишком любил собственную жизнь, чтобы рисковать и оскорблять его, и поэтому поклонился в ответ.

– Передай государю, что я приказываю наступать и вступить в бой. Я не откажусь от битвы. Посадить армию на корабли мы уже не успеем. Греки достаточно близко и уничтожат тех, кто останется на берегу. – Он задумчиво потер подбородок и кивнул сам себе. – Мы не можем сражаться ни на песке, ни на берегу, где море за спиной. Впереди сухая равнина. Мы выступим, построимся и приготовимся встретить их. Лучники и пращники на флангах, «бессмертные» и другие полки – в центре. Сообщите великому царю Дарию, что к востоку от равнины есть возвышенность. Возможно, он пожелает расположиться там, чтобы оттуда наблюдать за битвой.

Гонец улыбнулся одной стороной лица, как будто что-то в Датисе его позабавило, снова поклонился и, не сказав ни слова, побежал к шатру. Оставленные его быстрыми шагами углубления в песке мгновенно заполнились шипящей и пенистой морской водой.

Глава 5

Ксантипп нервно сглотнул, когда, разделившись, они обошли низкие холмы с обеих сторон. «Марафон» означает «заросший фенхелем», и эта трава действительно хорошо росла на здешнем красноземе. От раздавленного сандалиями фенхеля соленый воздух наполнился густым запахом.

Скорость марша едва заметно увеличилась; людей подталкивало желание поскорее добраться туда, куда они направлялись. Небо постепенно расширялось, зеленые холмы уступали место равнине с низкими кустарниками, редкими разбросанными деревьями, похожими на часовых, и темным морем за ними. Они все еще видели корабли, которыми буквально кишело море. С каждым шагом им раскрывалось все больше деталей картины с бегущими туда-сюда разведчиками и гонцами. Новость об этом распространилась по всей колонне и поначалу вызвала ликование.

– Никакой конницы! – громко крикнул Эпикл, повторяя последнее донесение.

Известие встретили радостными возгласами. Несколько лет назад, сражаясь с Фессалией, афиняне оказались в тяжелом положении. Всадники не могли прорвать плотный строй ошетилившейся длинными копьями фаланги, но и сама фаланга не могла продвигаться вперед с нужной скоростью. В результате на поле боя образовались неподвижные островки гоплитов, которых свободно перемещающийся противник осыпал дождем стрел, убивая поодиночке, одного за другим.

Другое дело – численность противника. Оценки сильно разнились, так как разведчики пытались сосчитать людей в перемещающихся строях и марширующих колоннах. Ксантипп с трудом мог поверить, что на берегу осталось столько персидских солдат. На таком расстоянии они казались городской стеной. Он потряс головой, отгоняя возникший образ, прищурился и попытался мыслить как стратег. Персидские корабли – войска вывозятся ими или все еще высаживаются с них?

Определить было невозможно, и он вспомнил собственное описание конницы. Ложные сообщения были обычным явлением, но трудно спутать тысячи лошадей с чем-то другим. Что, если быстрый марш на восток от Афин помешал персам вывести в море всю армию? Везения самого по себе не существует. Именно ради такого исхода они принесли жертву и дали клятву богам.

Ксантипп услышал, как затрубили бараньи рога персов, и увидел, как блеснули, разворачиваясь, шелковые знамена. Разговоры и нервный смех в шеренгах вокруг него стихли. Каждый мужчина, вышедший из дома в это утро, знал, что поставлено на карту. Уже ближайшей ночью персидские солдаты будут убивать афинских женщин и детей, если врага не остановить здесь. Никто другой сделать это не мог. Никакая другая власть.

Мильтиад вышел со своего места в шеренге. Его личный гонец Фидиппид шагал рядом с ним. Весь день он не знал покоя, бегал, передавая приказы и держа стратегов в курсе дел. Кожа Фидиппида блестела то ли от масла, то ли от пота, хотя дышал он ровно и медленно. Двое мужчин помоложе несли на длинных копьях полотнища, чтобы все знали, где находится архонт.

Ксантипп почувствовал, как его пронзила волна страха и ярости, а сердце почти болезненно заколотилось. До этого момента марш мало чем отличался от тренировочной пробежки. Ксантипп хорошо размялся, согрелся и ровно дышал. Но вот то, что должно было произойти, не с чем было сравнить. Испытание самое изнуряющее, самое ужасное и самое волнующее, какое только может выпасть мужчине. Но он не отказался бы от права стоять здесь со своим народом – даже ради царства.

– Колонна в фалангу! Фаланга! – взревел Мильтиад. – По племенам! Равнение на стратега! Колонна – в фалангу!

«Голосина у него что надо», – подумал Ксантипп.

Вместе с другими стратегами он принял приказ и подробно изложил его, отдавая команды подчиненным. Каждый мужчина десяти тысячного войска представлял народ собрания, Афины. Тысяча гоплитов, пришедших из Платеи, встанут среди них, приняв командование Мильтиада, а не сражаясь как независимые. Это было условием присоединения к великой силе. Они были одеты в одинаковые доспехи и несли круглые щиты с разными изображениями, нарисованными на коже. Они были греческим народом, но никогда не могли стать афинянами. Ксантипп чувствовал, как сгущается вокруг него атмосфера, как люди мрачнеют и проникаются ненавистью. Золотые щиты и поножи отбрасывали солнечные блики. Тени корчились под ногами на земле, словно подчиняясь чужой воле. Эта мысль придала ему бодрости.

– Вот оно что, – пробормотал Эпикл одними губами.

Страхнув раздумья, Ксантипп на мгновение, словно давая клятву, склонил голову. Строй левого фланга сломался и рассыпался всего в нескольких шагах от самого Мильтиада. В мгновение ока колонна превратилась в толпу, люди разбежались, высматривая стратегов, которые должны были указать им новые позиции. Ксантипп слышал Фемистокла и Аристида, криками сгоняющих солдат в середину колонны. Их филы Леонтиды и Антиохиды возглавляли ядро из четырех племен, нерушимое сердце боевого порядка гоплитов, в восемь шеренг глубиной. Правый фланг составляли три племени, столько же было на левом, где также расположилась тысяча платейцев. На взгляд Ксантиппа, все происходило медленно и суматошно. Но когда перестроение закончилось, десять племен, одиннадцать тысяч человек, застыли ровными шеренгами в широком боевом порядке, с поднятыми копьями, похожими на иглы дикобраза. Еще мгновение напряженного, с трепетом в груди ожидания – и строй двинулся вперед через равнину. Каждый шаг приближал их к вражескому войску, давал более четкое представление о его силе.

Ксантипп переступил через густой раздавленный куст, услышал, как, будто кости, хрустят под сандалиями тонкие ветки. Во рту пересохло, он облизнул губы и снова огляделся, надеясь отыскать мальчика-водоноса, но того нигде не было видно. Почему перед битвой во рту всегда словно опилки насыпали? Он уже пожалел, что не захватил собственную флягу.

Сопровождавшие его Ксений и Теос, разумеется, отступили в обоз, как только враг появился в поле зрения. Там они пили и бездельничали. Некоторые несли глиняные фляги на плечевом ремне. Ксантипп заставил себя отвести взгляд; для человека, который ничего не принес, было бы дурным тоном просить воды у того, кто позаботился об этом.

Отряд шел в ногу, попадая в ритм благодаря флейтистам и барабанщикам, игравшим мелодию «Марша Тесея», звуки которого пробуждали воспоминания о молодости и силе. Ксантипп почувствовал, как выступил свежий пот, и тут же ощутил застарелую боль в правом колене. Лет десять назад он выковырял из-под коленной чашечки наконечник копья. Тогда это показалось пустяком, но годы шли, и боль продолжала возвращаться, увеличивая и без того немалый список неудобств долгого марша.

Слева от них лежала болотистая пустошь, справа растянулись холмы, достаточно высокие, чтобы ограничить ширину персидского фронта. По крайней мере, Ксантипп надеялся на это. Кроме того, он видел темную массу пращников, размахивающих оружием далеко за пределами досягаемости, разминающих мышцы в ожидании боя. Возможно, они надеялись таким образом запугать греков – кто знает? На флангах располагались легко узнаваемые лучники. Чернокожие парни без доспехов расхаживали взад и вперед, сгибали и разгибали луки и ждали, ждали, чтобы послать драгоценные стрелы в неприятельские глотки. Так много лучников Ксантипп видел в первый раз.

Он отметил, что Мильтиад не забыл о своих обязанностях. Всего в нескольких шагах от них архонт пристально всматривался в шеренги, проверяя и поправляя строй фаланги. Пона-

чалу люди, как правило, сбивались слишком плотно, так что едва могли идти не спотыкаясь. Они делали это инстинктивно, но такой плотности следовало избегать, тем более что до врага оставалось не больше двух тысяч шагов и расстояние сокращалось с каждым мгновением.

Архонт закусил губу, сравнивая протяженность двух фронтов, греческого и персидского. Болотистая пустошь ограничивала персов не так сильно, как он надеялся. Понятно, что, имея на поле сражения сорок или пятьдесят тысяч, враг немедленно, как только они соприкоснутся, накроет греков с флангов.

Обдумывая сложившуюся ситуацию, Мильтиад даже вспотел под бронзовыми доспехами. Идеального варианта просто не существовало, и Ксантипп не представлял, какой приказ отдаст командующий. Он ждал, и с каждым шагом сердце медленно сползало вниз. Шестнадцать сотен шагов – восемь стадиев. Двенадцать сотен шагов – шесть стадиев. Он уже мог разглядеть отдельных людей в темной массе противника, трепещущие полотнища знамен... Как же их много!

– Укрепить фланги! – призвал наконец Мильтиад. – Глубина на флангах – восемь! В центре – четыре!

Ксантипп с облегчением выдохнул – решение наконец-то принято. На его взгляд, приказ был правильный, хотя сам Мильтиад остался не вполне доволен. Сила фаланги заключалась в том, что племена сражались бок о бок друг с другом в плотном строю, стоя рядом с людьми, которых они знали. Мужскую гордость трудно обуздать. Спартанцы пошли еще дальше; у них каждая шеренга состояла из людей, закончивших подготовку в один и тот же год, так что более старшие стояли впереди, а те, кто помладше, – за ними, причем каждая колонна представляла определенный год окончания обучения. Они не могли бежать. Стыд был другой стороной той же медали, стороной такой же сильной, как гордость.

Имея в своем распоряжении всего одиннадцать тысяч, Мильтиад должен был в первую очередь заботиться о том, чтобы не допустить охвата с флангов. Расширить строй, не уплатив за это определенную цену и не получив подмоги, было невозможно. Все, что они могли сделать, – это укрепить фланги перед атакой врага и сдерживать персов длинными копьями. Ксантипп согласно кивнул. В худшем случае станут золотым камнем, брошенным в поток. День выдался трудный, но пути назад нет.

Фемистокл отправил посыльных уточнить приказ – в сражении это почти равнозначно отказу его исполнять. Мильтиад без лишних слов отправил посыльных обратно; они вернулись с красными от стыда лицами, и центр сместился, как и было приказано. Фемистокл кипел от злости, а вот Аристид казался невозмутимым и спокойным, как всегда. Ксантипп гордился им, радуясь, что человек, которым он восхищается, ведет себя достойно. На поле боя нет места ни мелочным эмоциям, ни самолюбию таких, как Фемистокл. Залог победы – сотрудничество и полное доверие.

Между тем враг остановился и приготовился. Восемьсот шагов разделяли две армии – четыре стадия. Позади персов синело море. Быстро снявшись с берега, они вышли на равнину, обеспечив себе твердую почву под ногами и пространство для маневра. Ксантипп поморщился. Конечно, первыми вступят в дело пращники и лучники, использовать которых необходимо в дальнем бою. Их задача состоит в том, чтобы нанести удар по врагу до того, как он подойдет вплотную. В ближнем бою, в суматохе битвы толку от них нет. Но здесь персы столкнулись с гоплитами, тактика боя которых разрабатывалась с таким расчетом, чтобы свести на нет преимущество неприятеля, и они были экипированы доспехами.

– Приготовить щиты! – крикнул Ксантипп, и приказ разлетелся по шеренгам племени Акамантиды.

Он перекинул свой щит с правого плеча на левую руку и, сжав кожаный ремень, ощутил привычный комфорт. Все его предплечье исчезло в углублении деревянной, покрытой бронзовой кожей чаши, которая ощущалась частью его самого. Ксантипп знал, львиный оскал будет

ярко сиять на золотом фоне. Зажав копьё под мышкой, он опустил его, готовясь идти в атаку вместе с людьми своего племени. Пот струился по лицу, и страх грыз изнутри, но к страху примешивалось что-то вроде восторга. Он силен. Он быстр, ловок и одет в бронзу. Он убьёт первого, кто встанет перед ним сегодня. Убьёт и второго. А что случится потом, зависит от богов.

Остальные племена тоже взяли щиты на изготовление, как будто услышали и подчинились приказу Ксантиппа. Не более, конечно, чем совпадение, но и оно было приятно, хотя он видел, что Фемистокл наблюдает за ним. Любой, даже самый незначительный заступ на его территорию воспринимался им как личное оскорбление. Еще со времен совместных тренировок Ксантипп знал, что Фемистокл вполне способен обратиться к нему с жалобой после битвы. Если они оба выживут.

Слева от Ксантиппа Каллимах после короткой перепалки с Мильтиадом пересек поле и присоединился к правому флангу. Лицо его горело, но он, по крайней мере, нашел щит и копьё. Что между ними случилось и кто кого разозлил, Ксантипп сказать не мог.

За спиной у него Мильтиад, оставшийся единоличным командующим, поднял руку. Ксантипп подумал, что он, возможно, прикажет сделать короткую остановку, чтобы заставить врага потратить первые камни и стрелы. Выдержать обстрел – испытание не из легких, но люди знали, как держать щит. Они практиковались, учились защищаться, так что внезапная бронзовая тень была для них делом привычным. Вот только реальность была иной. Во время строевой практики никто обычно не умирал.

Команду, которую выкрикнул Мильтиад, Ксантипп услышать не ожидал.

– Левый фланг... медленно вперед! Медленно вперед! Центр и правый фланг – вперед!

Ксантипп повторил приказ во весь голос, хотя чем руководствовался Мильтиад, понять не мог. Марширующие слева племена тут же сбавили шаг, а вот центр и правый фланг прибавили и устремились вперед.

– Спокойно! Держаться, левый фланг! – проревел Мильтиад над их головами. – Нам нужны резервы – вы и есть резерв. Помедленнее. Не спешить!

Ксантипп кивнул. Возможно, это имело смысл в ситуации, когда численный перевес был на стороне неприятеля. Он увидел, как Фемистокл оглянулся через плечо и жестом велел им не отставать, но командующим был не он. Мильтиад нес ответственность за весь строй, а не только за левый фланг. Ксантипп ощутил неприятный холодок в животе, представив, как это все может выглядеть в глазах Фемистокла. Половину его людей забрали, центр ослабили, а теперь и фланг отодвинулся назад. Если это и было на что-то похоже, то... Ксантипп покачал головой, чувствуя, как пот щиплет левый глаз, несмотря на матерчатую повязку под шлемом. Нет. Архонт Мильтиад верен Афинам. Иначе и быть не могло. Нельзя же подозревать всех? Ходили слухи, что для персидского царя золото что вода и он всегда вознаграждает тех, кто ему угодил. Наверное, нашлись бы такие, кто предпочел бы богатство и покровительство верности и бедности. О щедрости великого царя ходили легенды. Мог ли он купить такого человека, как Мильтиад?

– Эпикл! – позвал Ксантипп.

Друг тут же подбежал.

– Да, стратег? – озабоченно спросил он.

– Передай мои наилучшие пожелания Мильтиаду и скажи ему, что Акамантиды готовы поддержать центр.

– Да, стратег, – кивнул Эпикл и умчался исполнять поручение.

Между тем Фемистокл и Аристид пересекли невидимую черту и оказались на расстоянии удара. И тут же тысячи небольших острых снарядов полетели в греков. Излишнее рвение подтолкнуло персов начать чуть раньше, чем следовало бы, но после первого залпа последовал второй, а после второго – третий. Они стреляли снова и снова, и строй колыхался, как дышащая грудь. Камни и стрелы летели слишком быстро и высоко, чтобы их можно было увидеть и

увернуться, и рассекали воздух со свистом, напоминающим крики птиц. Это было самое ужасное. Кусок свинца размером не больше пальца может сломать человеку плечо, когда падает сверху, из ниоткуда. Стрела может пронзить насмерть.

С первым же залпом персидские линии накрыла дрожащая тьма. Тень пронеслась через послеполуденное солнце. Ксантипп надеялся, что это предзнаменование поражения неприятеля, наставшего на себя собственную тень. Он вспомнил, как в детстве на спор потревожил осиное гнездо на дубе, бросив в расщелину ведерко с прогорклым оливковым маслом, и убежал. Ему и в голову не могло прийти, что они устроят на него настоящую охоту. Он думал тогда, что осы в своей ярости и злобе просто-напросто убьют его. Они гнались за ним всю дорогу до дома, наполнив болью сам воздух.

Казалось, вспыхнуло золото, когда четыре шеренги в центре и еще восемь справа подняли щиты над головой. Камни и свинцовая дробь простучали градом и осыпались на землю, но и крики боли прозвучали тоже. Стрелы пробивали защиту бронзовых щитов, ранив под ними руки или плечи. Один или два человека в задней части фаланги упали, дергаясь или пытаясь встать и присоединиться к войску. Ксантипп до крови закусил губу, но заметил это, только почувствовав во рту вкус соли и железа.

Весь центр под командованием Фемистокла и Аристида оторвался от левого фланга и даже опередил правый. Тысячи и тысячи персов все еще продолжали обстрел, в то время как центр войска великого царя готовился встретить наступающую фалангу. Железные мечи, поймав солнце, сверкнули на персидской стороне.

Все «бессмертные» были воинами в расцвете сил, носившими чешуйчатые панцири и длинные, доходившие до колен стеганные туники. Они заплетали бороды в толстые косы или собирали в пучки, скрученные вверх так, чтобы их было труднее зацепить. Голову охватывал золотой обруч, как будто каждый воин носил корону. Шлемами они не пользовались, но полагались на доспехи и умение обращаться с мечом. Это были элитные солдаты империи, лучшие, кого великий царь мог вывести на поле сражения. Численность их была такая же, как и всего греческого войска. В животе у Ксантиппа похолодело от страха, когда загрели барабаны и взвыли странные рожки; мелодии, которые они издавали, звучали нестройно и неуместно для поля боя.

Впереди удвоили свои усилия греческие флейтисты. Сравниться с персами в громкости они не могли, но выбранную мелодию – «Афина» – подхватили тысячи голосов. Греки пели обещание, данное богиней при основании города. Оно укрепляло и связывало их, вело вперед под градом камней и стрел.

Ксантипп сглотнул, рот, казалось, был забит смешанным с кровью песком. Он видел, как все больше людей в центре оборачиваются, не понимая, почему их оставил левый фланг. Идущие в задней шеренге жестами призывали товарищей слева подтянуться.

Эпикл вернулся раскрасневшимся. Темп не изменился, поэтому Ксантипп знал ответ еще до того, как друг заговорил:

– Архонт Мильтиад непоколебим, стратег. Он говорит, что нас лучше всего использовать в качестве резерва. Дождись приказа остановиться, а затем удерживай позицию.

Ксантипп выругался себе под нос, удивив друга. Прежде чем он смог придумать достойный ответ, по шеренгам пролетел приказ, и левое крыло было вынуждено остановиться. Более четырех тысяч стояли рядом с Мильтиадом, отстраненные от битвы, которая уже началась. Ксантипп промолчал. Дисциплина – это повиновение архонту, а значит, надо стоять и удерживать позицию. Доверие подразумевало принятие приказов того, кто назначен собранием их отдавать. Он подумал о жене. Что решила бы она? Агариста не понимала его почтения в отношении к старшим. Она сказала бы, что Мильтиад глупец и что он потратил семейное состояние на серебряные рудники во Фракии – рудники, которые были захвачены персидским царем.

Эпикл и Ксантипп в отчаянии смотрели, как греки под командованием Фемистокла и Аристида опустили копья и сомкнули щиты. Теперь «бессмертные» персы могли видеть людей из золота: шлемы, щиты, поножи под ними и копья, похожие на лес с железными листьями. Ксантипп уставился на Мильтиада, мысленно заклиная его отдать приказ присоединиться к атаке. В отсутствие Каллимаха пожилой архонт стоял так, словно наслаждался дебатами на агоре, слегка выставив ногу вперед, склонив набок голову и опираясь на копье. Его щит все еще был в руках раба.

Ксантипп велел себе подождать, набраться терпения. Приказ был ясен. Неподалеку платейцы хмуро наблюдали за происходящим, не понимая, почему они зашли так далеко только для того, чтобы стоять в стороне. Ксантипп должен был подчиниться или опозорить себя, свой дом и... свою жену. Агариста никогда не простила бы его, если бы он вернулся домой с позором. Это все, что он знал. Если бы выбор состоял в том, чтобы расстаться с жизнью с достоинством и уважением или оставить честь на поле боя, он знал – она предпочла бы, чтобы он умер. Он зарычал себе под нос, как зверь, – от бессилия и досады.

Глава 6

Фемистокл занял свое место в первой шеренге. Черно-белый гребень на шлеме выделял его в строю. Он подумывал надеть плащ-гиматий, как у спартанцев, хотя и другого цвета, но так и не решился, а потом, когда поступил призыв собраться, уже не успел и теперь сожалел об этом. Люди должны были видеть его; он понимал это всем своим существом. Чтобы надеяться когда-нибудь встать во главе Афин, нужно бросить жизнь на кон, как кость на доску. В этом вся правда. У него не было семейного богатства, как у Ксантиппа, он не мог сделать фетиш из бедности и неприязнтельности, как Аристид. Для этого Фемистокл слишком любил удовольствия!

Две армии сближались, и он слышал молитвы, произносимые нараспев негромкими головами. Потом смолкли и они, воины сосредотачивались на равнении в строю. Фемистокл не мог удержаться, чтобы не бросить взгляд на странное сооружение, воздвигнутое в стороне от персидских войск. Это мог быть только их царь, позиция на возвышенности с крутым обрывом давала ему хороший обзор. Окружавшая царя охрана в тысячу воинов обеспечивала его неуязвимость. Попытка атаковать позицию открыла бы греческий фланг персидским «бессмертным». За происходящим на поле боя Дарий мог наблюдать, не рискуя собственной жизнью, как те толпы зрителей, что приходили посмотреть драмы в Театре Диониса в Афинах. Фемистокл презрительно скривил губы. В этот день царю досталась лишь роль наблюдателя. Игроками были они.

«Бессмертные» сжимали мечи, но Фемистокл видел, как они задергались и стали оглядываться, ожидая новых приказов, когда поняли, какая надвигается угроза. Опускаемые по команде длинные копья греков всегда внушали страх.

– Готовность, Леонтиды! – воззвал Фемистокл к своему племени и, оглянувшись, добавил: – Готовность, афиняне!

Они все были его народом. Не важно, что дядя жены Ксантиппа определил его в это племя. Он был афинянином! Мальчиком он бегал по улицам этого города и перепрыгивал через сточные канавы, которые переполнялись всякий раз, когда шел дождь. Раз или два он сам, поскользнувшись, падал в них. Фемистокл усмехнулся при этом воспоминании. Он готовил себя в течение многих лет, учился, на глазах становясь таким сильным и быстрым, что другие бледнели, видя его противником на бойцовском круге. Кулачный бой или борьба – ему было все равно. Он любил сражаться – и всего, чего достиг, достиг сам. Фемистокл почувствовал, как в нем поднимается гордость. Аристид умел сохранять достоинство и холодную логику. Ксантипп смог сохранить свое чувство превосходства, хотя и приобрел состояние через женитьбу. Фемистокл был новой Грецией – и в этот день стратегом наравне с ними. Он громко рассмеялся при этой мысли, и мужчины вокруг него ответили ухмылками.

– Посмотрите, как им страшно! – крикнул он. – Приготовьте копья! Эй, флейтисты!

Новый ритм, быстрый и злобный, нес копья в цель. Чудо века – влияние музыки на сердца и силу людей. Ревущая мелодия поднимала дух и направляла руку.

– Видите врага? Видите их страх? Тогда вперед, в атаку! – крикнул Фемистокл, оскалив зубы.

Стратеги подхватили его рев, и греческие гоплиты устремились вперед – бегом. Прежний ровный темп был отброшен. Стрелы пролетели над ними, так как лучники недооценили скорость движения фаланги.

Два войска столкнулись, и длинные копья пробили броню и плоть. Вырвав их, уже окровавленные, греки сомкнули щиты и взревели. Ударили барабаны. Взыли флейты. И снова строй ошетинился копьями. «Бессмертные» пытались отбросить их в сторону, но железные

листья все равно находили цель и безжалостно наносили удары, входя и выходя из плоти, снова и снова, и их было слишком много, чтобы увернуться.

Бойня была короткой и жестокой. Длинные копья-дори били с отчаянной силой. Удары наносили люди, умевшие находить цель не больше человеческого кулака и попадать в нее. Они ранили бедра, лица – все, что видели. Не каждый удар попадал туда, куда надо, но эти удары наносились в ритме, который задавали барабанщики и флейтисты. Широкие щиты греков частично перекрывались, образуя непроницаемую стену. Персы не видели в ней слабых мест, только шлемы с обрезанными гребнями, огромные щиты и бронзовые поножи под ними.

Защита «бессмертных» не справлялась с железными наконечниками копий, которые били, поворачивались, отступали и снова били. Персы отходили, истекали кровью или просто пытались найти место для противостояния атакующему их лесу копий.

Передышки им не было. Строй фаланги продвигался вперед, не давая врагу ни единого шанса перевести дух или контратаковать. Греки наседали, и если кто-то из них падал, его обходили и отправляли в тыл, а его место мгновенно занимал другой. Противостоять давлению фаланги было невозможно. Когда продвижение замедлилось, в передних шеренгах уже не могли замахнуть, чтобы нанести удар, так велико было давление щитов сзади. Идти дальше или упасть – другого выбора не было, и Фемистокл шел с ними.

– Держать строй! – внезапно крикнул он с недовольным видом.

Он ударил копьем под щит человека справа от себя, почувствовал сопротивление и дрожь, означавшие попадание в живую плоть. Хорошо. Понять, кто именно из персов получил рану, в этой толчее было невозможно. Первая шеренга двинулась дальше, а ранеными врагами занимались шедшие позади – выхватив кинжалы, греки перерезали глотки как мертвым, так и еще живым. Спасись, притворившись убитым, было невозможно – пощады не давали никому. Персы были захватчиками, пришедшими поработить Грецию.

Фемистокл проревел следующие слова просто для того, чтобы их услышали:

– Вы что, фиванцы, что ли? Откуда такая неряшливость? Вы метеки? Рабы? Нет, я не желаю умереть от стыда перед всеми! Делайте свою работу лучше! Клянусь Аресом, вы ставите меня в неловкое положение! Хотите опозорить перед Аристидом?

Он знал, что имеет обыкновение болтать без умолку, когда нервничает, и не был уверен, есть ли от его призывов какая-то польза. Но кто-то из его людей заулыбался. Некоторые даже цитировали его потом – те, кто выжил. Нужные слова бесценны, когда жизнь исчисляется ударами сердца, а копье скользит в потной руке.

Ничто не может продолжаться долго. Так случилось и здесь. У кого-то из гоплитов копья вырывали из рук. Кому-то перерубали древко, и оно ломалось. У некоторых при ударе сваливался наконечник. В идеальной, оцетинившейся копьями стене появились бреши – «бессмертные» отступали, но не рассыпались. Их царь наблюдал за происходящим из тени своего шатра, с расстояния не больше мили от сражающихся.

Оставшиеся без копий обнажили мечи и, стоя рядом с братьями по оружию, пустили их в ход. Тесно сомкнутые, щиты по-прежнему защищали строй; каждый прикрывал идущего слева, его же, в свою очередь, прикрывал идущий справа. Мечи вонзались в любого, кто пытался прорвать эту стену.

Персы привыкли уничтожать племена, которые не могли противостоять даже их лучникам, не говоря уже о том, чтобы держать боевую линию. Когда отдельные «бессмертные» пробивались между длинных копий, они могли только бить по бронзовым щитам и шлемам, тогда как афиняне рубили и кололи, наносили удары и по голове, и по ногам, и по всему уязвимому, а золотые обручи «бессмертных», казалось, притягивали удары сверху вниз.

Несмотря на ужасные потери, персидский строй устоял, укрепился и восстановился. Датис отдал новые распоряжения. Те, кто прорывался сквозь стену щитов, просто рубили древки копий, не обращая внимания на мечи и раны. Эта удивительная тактика стоила сотен

жизней, особенно когда Фемистокл увидел, что происходит, и прорычал новые приказы. Тех персов, которые вклинивались в фалангу, чтобы рубить копья, убивали в первую очередь.

Битва не стихала, и правый фланг в восемь шеренг глубиной держался стойко и уверенно, но Фемистокл заметил, что персы начали обходить его слева. Правый фланг всегда считался слабым, потому что не был прикрыт. Укрепить его за счет левого или даже центра имело смысл, и это он, пусть и нехотя, признавал. Но когда это случилось? В его представлении они сражались уже час или больше, но солнце висело на прежнем месте, будто нарисованное.

Фемистокл выругался, когда новый град камней и стрел отозвался криками боли в центре. Где же Ксантипп с его суровым осуждением всего, ради чего стоит жить? Где Мильтиад в своем длинном, прикрывающем живот хитоне? Левый фланг отстал и плелся позади, что добавило смелости персидским лучникам и пращникам. Они отступили к берегу, когда столкнулись основные силы, но теперь, видя, что греки задержались слева, выползли, как мухи, чтобы заняться привычным делом. Залпы их еще не были такими массивными, как раньше, но с каждым разом набирали силу.

Фемистокл отразил сильный удар поднятым щитом и, рискуя жизнью, оглянулся через плечо. Левый фланг остановился и чего-то ждал, и это тогда, когда остальные сражались и истекали кровью. В картинке, промелькнувшей перед глазами, прежде чем он отвернулся, Мильтиад стоял, как поджидающая добычу шлюха на углу. Придите же, взмолился он, а если нет, то пусть я выживу, чтобы потребовать от них ответа. Если предал Ксантипп, то только потому, что боится его популярности, которой ему никогда не понять. Если это сделал Мильтиад... то... ради золота. Старик всегда был жаден, Фемистокл знал это. Ходили слухи, что Мильтиад потерял семейное состояние. Некоторые люди жаждут власти, некоторые – золота; Фемистокл прекрасно это понимал. Легкая жизнь слишком заманчива, особенно для тех, кто когда-то голодал. На его долю выпало больше испытаний...

Ход мыслей прервался, когда у него из руки, вывернув пальцы, вырвали копье. Он выругался и выхватил меч.

– Держать строй! – крикнул он.

Аристид был где-то слева от него, с племенем Антиохиды. Они отступали, и, к своему ужасу, Фемистокл увидел, что его люди тоже колеблются. Они уже не могли поднимать щиты против стрел и камней и одновременно держать строй. В них зародился страх, и вот уже они нерешительно отступили на полшага. Фемистокл выругался так громко, что кое-кто рассмеялся.

– По моей команде, и не раньше! – проревел он. – Переведем дух, но не оставим ни капли нашей чести на поле боя. Только не перед ними. Шесть шагов назад и перестроиться. По моей команде, и не раньше! Я вижу тебя! Сделаешь еще один шаг без моего приказа, и я устрою так, что твоя жена скажет мне «пожалуйста» и «спасибо».

Угроза была возмутительной и все же остановила отступающую линию. Они удерживали позицию, и остальная часть центра зацепилась за них, с Фемистоклом в центре. Это был момент, который, как он думал, запомнится навсегда, момент, когда воздух стал похожим на вино.

– Шесть шагов – марш!

Он отсчитывал шаги вслух. Это помогло им сохранить порядок, хотя персы уже издавали победные вопли, убежденные, что взяли верх.

– Держать строй! Держать! – заорал Фемистокл. – Сомкнуть щиты! Заставим их заплатить за эти шесть шагов. Подумайте, как они входят в Афины и хватают за горло ваших дочерей. Держите себя в руках. Возьмите копья, если найдете. Мы сейчас перестроимся. Первая шеренга, готовы? Вы готовы? Вторая шеренга! Те, кто сзади! Отвечайте мне, вы, ленивые шлюхи. Готовы?

Вторая шеренга гневно проревела в ответ, и сражение продолжилось с прежней яростью, грохотом. Фемистокл молча ухмыльнулся.

Строй выровнялся. Аристид, воспользовавшись возможностью, тоже отступил. Либо отойти, либо пасть – таков был выбор. «Бессмертные» не уступали, хотя, по всем ожиданиям, должны были. Фаланга должна была смять их и раздавить, но они каким-то образом удержались. И одна только Афина знала, сколько их погибло. Земля была усеяна телами убитых и залита их кровью, которую она жадно впитывала в себя. Фемистокл содрогнулся при мысли о том, что земля поглотит его. Он слишком любил солнце.

– Готово, вторая шеренга, эпистаты! Первая, протостаты, приготовиться!

Фемистокл уже охрип, но услышал, как Аристид повторил приказ. Без сомнения, его соплеменники были так же измотаны, как и первые шеренги Леонтидов. Он глубоко вздохнул. Такой ход опасен в разгар битвы, хотя и польза велика. Конечно, если бы персы говорили по-гречески, они могли бы перебить их всех.

– Первая шеренга, протостаты, назад! Вторая шеренга, эпистаты, вперед! Сомкнуть щиты!

Все происходило медленнее и хаотичнее, чем ему бы хотелось. В этот момент Фемистокл был искренне рад, что рядом нет спартанцев, которые насмеялись бы над ними. «Бессмертные» рванулись вперед и убили тех, кто рискнул повернуться к ним спиной, чтобы попытаться проскользнуть через шеренгу, выходящую вперед.

Фемистокл видел, как изрубили людей, которых он хорошо знал, но перестроение было выполнено, и персам противостояла другая шеренга, свежая и яростная.

– По моей команде! Шесть шагов назад! Шесть шагов по моей команде! Приготовить копья! – проревел Фемистокл над их головами.

Это был тяжелый приказ для их слуха. Они не хотели снова отступать. Они сражались уже в иступлении, убивая измотанных «бессмертных», которые думали, что греки вот-вот сломаются.

– Шесть шагов... Марш!

Они отступили с гневными проклятиями. Во второй раз получилось быстрее и организованнее. Они сделали свои шесть шагов, не поворачиваясь спиной к персам, которые в замешательстве размахивали мечами. Стоявшие за ними расступились, пока Фемистокл отсчитывал шаги. И снова поднялись щиты, и снова стена оцетинилась копьями. И снова вырос колючий лес.

– Вперед! – проревел Фемистокл во всю мощь своих легких.

Он никого не мог достать мечом, хотя проклятые лучники и пращники снова стреляли, убивая его людей. Где же Мильтиад? У персов не было резервов, кроме царской стражи. Против греков бросили всех, кто оставался на берегу. Более того, они побеждали – благодаря золоту и предательству. Другого объяснения не было.

Глава 7

Ксантипп видел, как Фемистокл и Аристид укрепили центр, провели дисциплинированное отступление, а затем перестроили фалангу. Сделано все было хорошо, хотя они уступили половину территории, завоеванной в первой атаке. Но они уже понесли потери и вовсе не выглядели свежими. Заметно устали обе стороны. Сражение истощало даже сильнейших. Солнце поднялось по послеполуденному небу, и уже пролилась кровь сотен людей.

Численное преимущество оставалось за персами. Их царь, окруженный стражей, наблюдал за происходящим из своего шатра так, будто перед ним разыгрывалось представление, а не кипела битва за выживание города и народа.

– Видишь? – спросил Эпикл. – Персидские лучники возвращаются.

Они с Ксантиппом стояли в первом ряду, в напряженном ожидании, стараясь не упустить ни малейшей детали разворачивающегося на их глазах сражения. Прашники и лучники отступили, как только главные силы противников сошлись. Их стрелы с камнями стали одинаково угрожать обеим сторонам. Но когда левый фланг остановился, они снова подтянулись и принялись обстреливать греков. Лучники оказались в уязвимом положении, и Ксантиппа так и подмывало напасть на них.

Его шеренга сдвинулась еще на шаг, подталкиваемая сзади теми, кому не терпелось посмотреть, что происходит. Мужчины невысокого роста из задних шеренг не видели почти ничего. В результате они толкались и ругались и с каждым мгновением горячились все сильнее.

Ксантипп с облегчением повернулся, увидев Фидиппида, бегущего в его направлении вдоль левого фланга.

– Самое время, – сказал Эпикл.

Вестник Мильтиада едва заметно склонил голову. Ксантипп подумал, что гонец держится без должной почтительности и несколько напряжен.

– Архонт Мильтиад просит выровнять строй. Твоя недисциплинированность замечена и будет учтена. Оставайся на месте. Он также просит, чтобы каждый стратег подтвердил получение приказа.

Ксантипп не ответил. Вместо этого он молча уставился на длинноногого гонца, брови которого в замешательстве сдвинулись к переносице.

– Стратег? – немного неуверенно сказал Фидиппид.

– Подожди, – процедил сквозь зубы Ксантипп.

Через плечо Фидиппида он посмотрел на лучников, осторожно приближающихся к полю боя, потом бросил взгляд туда, где гоплиты с неприкрытым левым флангом бились с «бессмертными», и наконец повернулся в ту сторону, где стоял сам Мильтиад. С потемневшим от гнева лицом архонт наблюдал за его разговором с вестником.

– Передай Мильтиаду, что я принимаю его приказ наступать, – заявил Ксантипп.

Эпикл рассмеялся и хлопнул его по плечу, а гонец растерянно открыл рот.

– С-стратег? – пробормотал он, заикаясь. – Это не...

Что бы еще он ни сказал, это было уже не важно – новый приказ разлетелся по шеренгам. Эпикл проревел требуемые слова прямо над левым ухом Фидиппида, который вздрогнул и отступил.

Между тем впереди появилась большая группа персидских лучников. Приближаясь к оставленной ранее позиции, они опасливо поглядывали на неподвижные колонны греков.

Они же первыми увидели, как левый фланг пришел в движение, следуя за Ксантиппом и племенем Акамантиды. Платейцы направились за ними, испытывая облегчение оттого, что наконец-то могут выполнить данное обещание чести. Много лет назад Афины спасли их, и теперь они пришли сюда отдать долг, а не быть сторонними свидетелями трагедии.

Теперь персидские лучники нацелились на левый фланг греков. Ксантипп выругался. Лучников он ненавидел почти так же сильно, как конницу, но его попытка исказить приказ Мильтиада привела к настоящей путанице. Не все племена на этом фланге пришли в движение, а те, что сдвинулись с места, маршировали неровным строем. Сам архонт оказался в центре конфликта и требовал от стратегов объяснений.

– Акамантиды! – крикнул Ксантипп. – Платея! Приготовить щиты!

Между тем к первым группам персидских лучников и пращников подтянулись, ободренные их успехом, другие. В стоявшего на месте врага они могли бы стрелять произвольно, без приказа, и соблазн был слишком велик. Ксантипп вышел вперед. Все его внимание было приковано к лучникам и пращникам, повернувшимся к нему. Он с усилием сглотнул, когда первые из них дали нестройный залп. Они видели Ксантиппа, видели сломанный строй греков.

Дышалось тяжело, челюсти как будто склеились. Четыреста шагов отделяли Ксантиппа от группы персидских лучников на берегу. Его шеренги расстроились, и гоплиты, не имея возможности сомкнуть щиты, представляли легкую цель. Лучники могли только мечтать о таком и поэтому уже спешили воспользоваться своим шансом.

Теперь они выстраивались в двух стадиях от неуклюже топчущихся греков. Выход был только один, но Ксантипп не был уверен, что им удастся этот маневр – в жару и в полной экипировке.

Четыреста шагов на глазах у смерти.

Он взял фляжку с водой у стоящего рядом воина, сделал несколько глотков и, пробормотав слова благодарности, облизнул губы.

– Вперед, Акамантиды! Вперед, Афины! Вперед!

Ксантипп поднял щит и бросился на врага. Он смотрел на тысячи лучников, и все они, казалось, целились в него. Вместе с ним мчался Эпикл. Им обоим хватало сил бежать в доспехах, хотя Ксантипп уже чувствовал пронзающую колена боль.

Увидев, что Акамантиды перешли в наступление, остальные гоплиты левого фланга уже не могли больше бездействовать и, взревев в знак поддержки, устремились следом. Люди пыхтели под тяжестью оружия и доспехов, лица их покраснели и заблестели от пота, но они не сбавляли шаг.

Стрелы пролетели у Ксантиппа над головой, метя в отставших. Лучники привыкли поражать медленно движущиеся цели, а не вопящих и потрясающих копьями безумцев.

Добравшись до лучников, Ксантипп опустил щит, используя его как таран, и Эпикл шел рядом. Самым маленьким подразделением греческой армии были пары – двое мужчин, которые годами обучались и готовились вместе. Они сами и их семьи состояли в дружеских отношениях, и Ксантипп был рад, что в этот день Эпикл с ним.

Акамантиды и платейцы прорвали строй лучников и разделались с ними, как с жертвенными животными. Прорезав кровавую полосу, греки уничтожили одних и обратили в бегство других, которые устремились к берегу. Ксантипп с облегчением выдохнул и даже рассмеялся, когда его люди снова образовали боевой строй.

Их успех не остался незамеченным с обеих сторон. Персы заволновались, ожидая новых приказов или какого-нибудь выхода. Греки в центре фаланги призывали соотечественников вернуться на свое место на фланге. Ксантипп ждал, пока люди выровняют строй и сомкнут щиты. Мильтиад был со всеми. Архонт даже не смотрел в его сторону, и лицо у него было такое же красное, как у всех, будто его обожгло солнце. Возможно, так оно и было, пока он наблюдал за ходом сражения со стороны. Ксантипп задавался вопросом, рискнет ли Мильтиад пожаловаться на стратега. Он уже поклялся, что выдвинет собственное обвинение, если такое случится. Их фланг слишком долго стоял, ничего не делая. Если это не было предательством, то вполне могло бы им быть.

Теперь, забыв обо всех разногласиях и соперничестве, левое крыло двинулось вперед как единое целое и с ревом обрушилось на персидский фланг. Но даже когда они врезались во вражеский строй и забрали своими копьями первые жизни, Ксантипп не был уверен. Нет. Был. В глубине души он знал, что Мильтиада подкупили.

Сражение развернулось по всей линии, и только болота препятствовали тому, чтобы вихревой, рубящий, кровавый фронт распространился слишком далеко. Ксантипп сражался в мрачном молчании, а дневной свет с бесконечной медлительностью бледнел и таял с наступлением раннего вечера. Больше всего на свете стратег любил это время суток, когда воздух остывал, избавляясь от дневной жары. Он стоял с людьми своего города и убивал вместе с ними, хотя колена горело, не позволяя опереться на ногу всем весом.

Фемистокл и Аристид успешно сражались в центре. Слева Ксантипп и Эпикл с мрачным восторгом пронзали персов копьями, а затем рубили клинками, двигаясь строем вперед, шаг за шагом, удар за ударом. Упавших давили и резали, чтобы они не смогли подняться снова.

Персы сломались, хотя за ними наблюдал их царь. Прежде чем почувствовать перемену, Ксантипп увидел, как убрали шатер. Он не мог определенно сказать, что было причиной и что следствием – то ли царь решил отступить к кораблям и таким образом лишил уверенности своих людей, то ли неизбежный разгром заставил великого царя бежать, чтобы не оказаться в ловушке на берегу.

Битва превратилась в жестокую бойню. У Ксантиппа сел голос, и оглашать его приказы пришлось Эпиклу. Отступая, «бессмертные» чувствовали море у себя за спиной. Плавать в своих стеганых доспехах они не могли. Соппротивление, когда у их ног заплескались волны, стало совершенно отчаянным. Именно тогда умение держать сомкнутый строй доказало свою ценность. Море вспенилось красным, тела павших персов заколыхались в прибое. Принявший царя корабль затянули на глубокую воду. Личная охрана, окружившая его тройным кольцом, стояла до последнего, хотя для них самих корабля не было.

Ксантипп увидел Мильтиада среди тех, кто вытеснил стражу на мелководье, где их рубили и кололи, пока они не пали вместе с остальными. Похоже, враги потеряли волю к сопротивлению, иначе они могли бы лучше справиться с усталыми греками. Но афиняне сражались не за царя. Возможно, дело было в этом.

Тем временем Фемистокл повел центральные племена против оставшихся пращников и лучников. Это были достойные враги, эфиопы и египтяне, вооруженные ножами и дубинками. Они умерли, как ягнята, не сумев ничего противопоставить гоплитам в бронзовых доспехах. Резня продолжалась до наступления темноты, а потом Аристид поджег застрявшие на берегу корабли. После ухода греческого войска ни один перс не остался в живых, чтобы грабить, насиловать или убивать невинных людей.

Море успокоилось, и тела натыкались одно на другое, как яблоки на воде. Когда все закончилось, в небе летнего вечера стояла высокая луна. Мильтиад выставил часовых и послал своего гонца Фидиппида из Марафона в Афины с вестью о победе. В тот вечер в каждом доме был праздник. Женщины и старики, хромые, больные и дети возносили богам благодарность за спасение.

Берег освещали костры, в которые, чтобы подсластить воздух, бросили ветки фенхеля. Прежде всего Ксантипп не пожалел времени, чтобы убедиться, что люди филы Акамантиды в безопасности и не истекают кровью от ран. Подтянувшийся обоз доставил перевязочный материал. Раны промыли вином и зашили при свете костров. Мертвых решили подсчитывать утром, когда рассветет. Большинство выживших просто сидели или стояли на коленях, измученные и ошеломленные всем, что видели, всем, что сделали.

Глава 8

Ксантипп стоял в темноте с закрытыми глазами. Сквозь веки просачивалось красноватое мерцание от потрескивающих костров. Заснуть не получалось, болело все тело, каждый сустав, а колени не сгибались. Оно распухло почти вдвое, и Ксантиппу приходилось сжимать челюсти при малейшем движении, чтобы не вскрикнуть от боли. Стоять было легче, к тому же Эпикл бросил ему наполовину полный мех с разбавленным вином. Ксантипп не спросил, как другу случилось найти то, что искали все и каждый, от простого воина до стратега. Вино замедлило ход мыслей, как сеть, перекинутая рыбаками через реку. Даже в изнеможении не удавалось ни отвлечься, ни забыться – картины минувшего дня вспыхивали перед глазами одна за другой.

Он побродил по берегу, надеясь обрести покой в шорохе и плеске прибоя. Но и в этих звуках было слишком много такого, отчего по спине пробегала дрожь. Казалось, что-то ворочется там и бьется в муках, а из глубины поднимаются чудовища, чтобы схватить мертвых.

Не найдя покоя на берегу, Ксантипп вернулся туда, где разбили лагерь его соплеменники Акамантиды. Эпикл собрал там его поножи, щит, копьё и меч. Льву на щите досталось изрядно. Даже в свете костра Ксантипп увидел, что он весь исчерчен вдоль и поперек блестящими полосами. Однако сам он не пострадал от ран. Не забыть бы сказать Агаристе, что ее лев принял на себя все предназначенные ему удары. Она будет довольна.

Отдыхать устроились на сухой песчаной полянке. Ксантипп слышал храп усталых мужчин, лежащих на спине с открытыми ртами. В небольших группах негромко обсуждали события дня. Он знал здесь всех. Покупал зерно у одних и вкладывал деньги в других. Слушал в собрании речи и аргументы третьих, одобрительно кивал и предлагал голосовать. Восемнадцатилетние уже остыли после горячки боя, пришли в себя. Некоторые отправились побродить в темноте по полю сражения, надеясь найти монеты, кольца или те знаменитые золотые обручи, которые носили «бессмертные». Говорили, что везде, где воевали персы, можно наткнуться на настоящие сокровища.

Ксантипп, конечно, лучше знал людей своего поколения, но в тот день и стар и млад – все были афинянами, они собирались в одной и той же части агоры во время войны. Иногда это было все, что было. Безусым юнцом он размышлял о мужчинах лет сорока-пятидесяти. После битвы самые старшие недвижимо лежали, будто мертвые, с опухшими спинами, коленями и локтями. Жизнь утекала, просачиваясь через раны, как вода сквозь старый дырявый мех. Они шли в поход и сражались, несмотря ни на что, эти седые, бородатые старики. Они шли, потому что так было нужно, иногда только для того, чтобы присматривать за теми, кого обучали, как и самого Ксантиппа. Он сделал то же самое для нескольких молодых парней, которые едва отличали один конец копья от другого. Так было принято, и эта работа считалась почетной.

Ксантипп нахмурился. От его внимания не ускользнуло, что многие задыхались, как птицы, после столь долгой атаки в доспехах. Их физическая форма была не такой, какой могла бы быть – какой должна была быть. Его старший наставник учил: если ты остался свежим, когда врага скрутило и вырвало или когда он схватился за колени и покраснел, то ты победил. Хорошая физическая форма – это быстрота, а быстрота – это победа.

Ксантипп с улыбкой вспомнил те давние слова, и на душе как будто полегчало. Он будет обучать филу Акамантиды. Если чуточку повезет, если, может быть, удастся заручиться поддержкой Аристиды или даже Фемистокла, он введет новый режим подготовки. Побольше бега в доспехах на длинные и короткие дистанции – для укрепления выносливости и уверенности. Этот дикий рывок против лучников оказался не по силам половине воинов.

Погруженный в свои мысли, Ксантипп не услышал приближающиеся шаги. Из темноты вышли двое: незнакомец и Эпикл с приставленным к горлу незнакомца ножом.

– Вот, поймал перса, – сказал Эпикл.

Незнакомец выругался и добавил:

– Нет, никого ты не поймал, как тебе прекрасно известно. Стратег Ксантипп?

Эпикл кивнул, убирая нож.

Незнакомец хмуро посмотрел на него и потер шею:

– Архонт Мильтиад ожидает тебя. Если последуешь за мной, я отведу тебя к нему.

– Мне пойти с вами? – спросил Эпикл и похлопал себя по поясу, коснувшись рукояти ножа.

Ксантипп понял сигнал, но покачал головой.

– Думаю, архонт хочет поздравить меня с нашей победой, – сказал он. – Я буду в полной безопасности.

– Уверен? Я мог бы вызвать почетную охрану, даже ждать не придется.

Он заставил себя улыбнуться, хотя лицо осталось напряженным. Посланник архонта явно злился на него за свой испуг и теперь, когда заговорил, в голосе его послышались резкие, язвительные нотки.

– Враг в море, господин, в чем ты сам можешь убедиться. И никакая охрана стратегу не нужна. По крайней мере, сегодня.

– Это что, упрек? – рявкнул Эпикл. – Уж мне ль не знать, где враг. Я персов сегодня положил немало.

Посланник решил больше не провоцировать этого человека и просто ждал, невольно таращась на стратега. Ксантипп глубоко вздохнул. Боль в ноге пульсировала в такт сердцебиению, что было странно. Он посмотрел на свое копьё, и Эпикл, поняв, что нужно, протянул его.

– Отведи меня к Мильтиаду.

Поначалу Ксантипп старался не хромать, по-мальчишески пообещав себе, что не выкажет слабости, чего бы это ему ни стоило. Однако колено так раздулось, что ударилось о другое, отчего он спотыкался и невольно опирался на копьё.

– С тобой все в порядке? – спросил посыльный, оглядываясь.

Он шагал быстро, напрямик через лагерь, мимо затухающих и уже догоревших до тлеющих углей костров.

– Я в порядке, спасибо. Веди меня к своему хозяину, – буркнул Ксантипп, задетый тоном этого человека или, может быть, просто вниманием.

Он и сам запредельно устал. Еще недавно сон не шел к нему, но теперь вдруг отяжелел веки.

Большинство в лагере уже спали, кто-то еще бодрствовал, но возбуждение угасало так же быстро, как языки пламени.

Укол тревоги Ксантипп ощутил, когда понял, что они вышли за пределы лагеря. Часовые спросили, кто идет, он назвал свое имя и похвалил их за бдительность. Начался подъем, идти становилось все труднее, и он все чаще опирался на копьё. В колене между костями как будто застряло что-то острое.

Он вспомнил, что персидский царь поставил шатер на возвышении, чтобы наблюдать за битвой.

Подъем закончился, принесся Ксантиппу облегчение. На вершине холма, возле жаровни, стоял Мильтиад. Он уже снял доспех и был в свободном белом хитоне. Обнаженные руки выглядели подчеркнuto сильными. Ксантипп с удивлением обнаружил, что у архонта появился живот, обтянутый мягкой тканью, как у беременной женщины. Он порадовался, что рядом нет Эпикла, который не оставил бы сей факт без комментария.

– Стратег! – приветствовал его Мильтиад. – Спасибо, что пришел. Хромаешь? Ты ранен? Извини, мне не сказали.

– Пустяки. И я больше не стратег. День был долгий, но закончился. Все назначения, произведенные собранием, истекли.

Возможно, именно из-за боли в колене и утомительной прогулки он не удержался и добавил:

– И ты больше не архонт.

Лицо Мильтиада сделалось жестким, он кивнул сам себе, как будто в подтверждение чему-то:

– Как странно, Ксантипп. Сегодня я разговаривал с несколькими стратегами. Бедный Каллимах не пережил сражения. В отличие от некоторых, он не был создан для войны. И все же Фемистокл пришел ко мне, как и Аристид. Аримнест из платейской тысячи преклонил передо мной колени и спросил, выплачен ли их долг.

– Они хорошо сражались, – заметил Ксантипп. – Надеюсь, ты так ему и сказал.

Мильтиад раздраженно воскликнул:

– Ну вот опять – забота о приличиях, правилах собрания, званиях! Я освободил платейцев от их долга, Ксантипп, потому что после сегодняшнего дня таков был путь чести. Однако я хотел сказать другое. Все остальные поздравили меня с нашей победой. Каждый взял меня за руку в знак приветствия и предложил вина. И вот ты, стоявший на моем фланге, читаешь мне лекцию о званиях и полномочиях? Ты странный человек.

Ксантипп уловил какое-то мимолетное движение в тени слева от себя. Бежать с больной ногой он не мог и потому отпустил напряжение, расслабился и стоял свободно. Если бы Мильтиад хотел забрать у него жизнь, он бы уже это сделал.

– Твое молчание... оно странно, стратег, – сказал архонт.

– Я свободный афинянин, Мильтиад. Не больше и не меньше.

– И больше не стратег, как ты сам сказал. И все же ты марафономах – воин Марафона, как и я. Ты сражался здесь, на земле фенхеля, песка и соли. Более того, ты один из благородных эвпатридов. Как и я. И афинянин, как и я.

Ксантипп пристально посмотрел на стоявшего перед ним человека, пытаясь разгадать его намерения. Он видел, что Мильтиад вспотел. Многие мужчины действительно потели больше после битвы, иногда в течение нескольких часов. Это могло быть свидетельством слабого сердца. Он видел, как люди умирали на следующий день после сражения, пополняя последними списком погибших, хотя они хватались за грудь и падали под другим солнцем. Однако у Мильтиада эти влажные линии ото лба до подбородка были иными, их прочертили чувство вины и страх.

– Чего ты хочешь, Мильтиад? – спросил Ксантипп. – Моих поздравлений с победой? Я рад, что мы победили. Думал...

Он заколебался, не желая делиться личным с человеком, который, по его предположению, предал их. Ксантипп все еще не решил, что с этим делать. Сражение – большая неразбериха, и приказы могли быть неправильно поняты. Но если предательство на самом деле имело место, то это было преступление настолько гнусное, что от одной мысли об этом у стратега сжался живот.

– Что? Что ты думал?

Ксантиппу Мильтиад напомнил бывшую любовницу, постоянно желавшую знать, какая мысль скрывается за каждой переменной выражения его лица.

– Я думал, мы не победим, – сказал он со вздохом. – Их было так много – и «бессмертные» не уступили бы на глазах у своего царя.

Он увидел, как Мильтиад облегченно выдохнул, как с выдохом ушло напряжение, и это было уже слишком. Ксантипп знал об опасностях, подстерегающих после интенсивной нагрузки. Он знал, что в гневе не стоит делать покупку, слишком напиваться или вытаскивать нож. Его кровь еще бурлила от ярости, как говаривали опытные наставники. Для некоторых мужчин лучшее, что можно сделать в таком состоянии, – это посидеть с верными друзьями и ничего не говорить, пока они не уснут и не проснутся снова. Но вместо этого его протащили

через лагерь с большим коленом к Мильтиаду, который считал себя намного хитрее, чем был на самом деле.

– А еще я думал, что тебя купил персидский царь, – добавил Ксантипп.

Он мог проклинать себя в тот момент, когда произнес эти слова, но было слишком поздно. Мильтиад наблюдал за ним из-под темных бровей, и его руки борца напряглись. Ксантипп ощутил трепет страха и сделал следующий шаг, предпочитая не прослыть трусом в ту ночь. Пусть будет услышана правда, подумал он.

– Я вспомнил, что ты потерял семейное состояние на серебряных рудниках – во Фракии, кажется? И вот мы держались сзади, не вступая в бой, пока персы били Фемистокла и Аристида. Ты дал приказ стоять как раз тогда, когда мы были нужны им.

Он заставил себя прерваться. Теперь, произнесенные вслух, эти слова звучали так слабо.

Мильтиад, казалось, придерживался того же мнения, потому что улыбнулся и покачал головой:

– Я отдал эти приказы, когда нам понадобился резерв. Я придержал фланг, чтобы заманить вражеских лучников и пращников. Был ли я не прав? Разве мы не пережили этот день?

Ксантипп мог бы оставить все как есть. Он уже понял, почему Мильтиад позвал его, а затем отпустил своих рабов. Этот человек боялся обвинений. Он хотел знать, враг ли ему Ксантипп или он может вернуться в Афины героем. Возможно, Ксантипп, будь ему двадцать, нагнул бы голову и пошел напролом. Он продолжал считать, что перед ним предатель. В нем поднималась желчь, и излить ее всю он не мог.

– Этот день, Мильтиад, мы пережили потому, что я ослушался твоего приказа стоять. Люди последовали за мной, и мы атаковали лучников не по твоему приказу, а вопреки ему. Как же это может быть твоя победа?

Мильтиад снова покачал головой, и Ксантипп увидел злобу и ярость на его лице.

– Ты ошибаешься. Я держал резерв до нужного момента. Похоже, ты так и не услышал моего приказа атаковать. Может быть, мне стоит доложить собранию о твоём неповиновении в разгар битвы? Интересно, как семья твоей жены воспримет эту новость.

Ксантипп еще сильнее сжал копье и только тогда понял, что держит оружие. Точно такое оружие, каким в этот самый день он убивал людей. Он почувствовал, как нарастает гнев, и безжалостно подавил его. Обвинения ударили бы по ним обоим. Если его заставят поклясться честью, он не сможет отрицать, что нарушил приказ. И тогда никто не станет слушать его оправдания и утверждения, что это пошло на пользу делу. Собрание накажет его в пример другим. То же самое случится и с Мильтиадом. Слава его победы при Марафоне будет запятнана, если один из стратегов назовет его предателем.

Они могли бы уничтожить друг друга, если бы захотели. Оба понимали это, и, казалось, воздух между ними потрескивает от напряжения.

Гнев ушел, словно вода в песок, и на Ксантиппа снова навалилась усталость.

Он провел слишком много схваток, чтобы помнить каждую из них, в гимназиях по всему городу и на частных площадках. Это был тяжелый и кровавый спорт, как и кулачные бои, которые ради поддержания физической формы предпочитали такие люди, как Фемистокл. А вот спартанцы ни ту ни другую дисциплину не практиковали, потому что каждый бой заканчивался капитуляцией одного участника. Спартанские учителя говорили, что не хотят приучать своих людей сдаваться, что сдача должна означать смерть. Ксантипп чувствовал, что эта философия ошибочна, хотя и восхищался ею. И все же он был афинянином. Он мог смириться с поражением – и ждать другого шанса.

– В разгар битвы путаница бывает большая. Может быть, я неверно истолковал твои намерения.

Голос прозвучал скрипуче, но в глазах Мильтиада мелькнуло облегчение. Ксантипп видел, как сильно ему нужна победа, – и победа была. Он с сожалением подумал, что, навер-

ное, за справедливость следовало бы бороться усерднее. Но в ту ночь в воздухе пахло кровью и фенхелем, и у него просто не было ни сил, ни страсти для борьбы – только усталость и равнодушие.

– Я рад, что ты понимаешь, – сказал Мильтиад. – День был особенный. Мы – марафономахи, отныне и навсегда. Всякий раз, пробуя семена фенхеля, я буду думать об этом месте.

Ксантипп поклонился ему, оказывая честь, которой тот не заслуживал, и, прихрамывая, спустился по склону в лагерь, где уже храпели его друзья. Он не думал, что заснет, но заснул.

Глава 9

Гонец Фидиппид принес весть о победе накануне вечером, пробежав от Марафона до Афин вдоль побережья за рекордно короткий срок. Достигнув агоры, он воскликнул: «Возрадуйтесь, афиняне! Мы победили!» Потом сел на скамейку посреди ликующих горожан и потер грудь, как будто ему стало больно. Когда наконец сообразили принести вина, герой был мертв, его великое сердце остановилось.

Эта маленькая трагедия не могла омрачить торжество целого города. Когда колонна гоплитов появилась в поле зрения, ее встретили бегущие по дороге дети. Все население Афин вышло оказать почести победителям. Повсюду были женщины, украсившие себя цветами, готовые целовать возвращающихся воинов. По такому случаю рабам был предоставлен свободный день, и даже чужаки-метеки оторвались от работы посмотреть на бронзовых героев, добывших такую великую победу.

Интересно, думал Ксантипп, сколько восторженного народа сбегалось с холмов, когда стало известно, что гоплиты победили. Он видел поток людей и повозок, покидающих город, когда распространилась весть о высадке персов. Многие еще уходили, не подозревая, что воины Афин остановили вторжение и устранили угрозу.

Он проснулся рано, окоченев так, что не сразу смог сесть. Потом, несмотря на ощущения в теле, присоединился к молодым мужчинам в пробежках по берегу и простых упражнениях, чтобы размять ушибленные конечности. Удивительно, что, получив столько царапин и синяков, он ничего о них не помнил. Его грудь и правая рука были в ссадинах, а на бедрах виднелись странные отметины, как будто его царапали когтями. Ночь унесла из бухты половину тел, другие все еще покачивались на мелководье, придавленные тяжестью доспехов.

Запах становился сильнее, и Мильтиад заявил, что хоронить мертвых – работа не для гоплитов. Они свое дело сделали накануне. Рытьем могил, переписью оружия и ценностей могли заниматься сопровождающие и рабы, тащившие обозные тележки. Они-то бездельничали во время битвы.

Хотя с формальной точки зрения стратеги действительно утратили власть, предоставленную афинским собранием, видимость ее все еще сохранялась, по крайней мере, до тех пор, пока они не вернулись за стены города. Мильтиад и Фемистокл, в частности, казалось, ожидали от людей полного повиновения. С восходом солнца они были повсюду – отдавали приказы, наводили порядок среди тех, кто все еще не пришел в себя и не мог поверить, что остался в живых. Для подсчета погибших Мильтиад выбрал дюжину человек, чтобы они остались на берегу и завершили составление списков. Никто из видевших золотые обручи «бессмертных» не утверждал, что их следует бросить тут гнить. На песке лежали целые состояния, и было бы непросто остановить парней из города, которые пришли бы сюда, разбили лагерь и провели здесь несколько следующих дней, копаясь в земле в поисках колец и монет.

Также кто-то должен был наблюдать за морем, поскольку корабли могли вернуться за рабами. Греки и раньше теряли детей точно таким вот образом, и персидские суда не могли уйти слишком далеко. Никто не думал, что они осмелятся возвратиться, но кто знает, что у персов на уме? Станный они народ.

Колонна, вернувшаяся в Афины, уменьшилась почти на тысячу гоплитов. Около четырехсот из них все еще были живы, но из-за ран не могли идти. Их поножи, щиты и копья сложили на повозки вместе со снаряжением павших. Для шестисот погибших афинян эти вещи были самыми ценными предметами, которыми они обладали. Каждый был помечен фамильной печатью. Обычно их передавали племени и отдельным наследникам – для продажи или для гордой памяти.

Все это было позади, когда Ксантипп шел по солнечной улице рядом с Эпиклом. В такой день было просто приятно чувствовать тепло лучей на затылке и знать, что ты жив. Он спрашивал себя, сможет ли когда-нибудь снова почувствовать запах фенхеля, не вспомнив о битве.

Издали донеслись приветственные звуки. Толпа, увидев воинов, зашумела, и это подняло ему настроение. Никогда раньше он не возвращался с поля сражения на виду почти у всего города. Воистину они стали марафономами, как сказал Мильтиад. Людьми Марафона. Станет ли этот день определяющим в его жизни и всегда ли он будет доволен своей ролью в нем? Временами память петляет трудной дорожкой. Он уже знал, что вчерашний разговор с Мильтиадом будет давить на него еще долго. Время, проведенное на передовой, запомнилось яркими вспышками. Ксантипп помнил, что у него весь день пересыхало в горле. Части этого дня потеряли связь с целым, поэтому он не смог бы назвать точный порядок событий. Но подозрения в отношении Мильтиада были так же свежи и несомненны, как и накануне.

Горожане украсили Мильтиада венками из крокуса и амаранта, вечного темно-красного цветка, который никогда, и будучи высушенным, не блекнет. Архонта даже убедили нести густо усыпанную бутонами веточку. Зеленые виноградные лозы обвивали его правое плечо. Он гордо возглавлял колонну. Шедшие вместе с ним улыбались и махали руками; щиты висели за спиной, и герои могли обнять любого, кто осмеливался подскочить и поцеловать их.

Ксантипп старался не хмуриться, хотя и заметил, как Эпикл поглядывает на него искоса, удивленный выражением его лица.

– Тебе же это никогда не нравилось! – прокричал Эпикл сквозь приветственный шум. – Толпы афинян, столько людей... Видишь вон там Фемистокла? Вот уж кто обожает внимание.

Конечно, так оно и было. Фемистокл шел прогулочным шагом рядом с Мильтиадом. Ему доставалось больше всего цветов, а какая-то молодая женщина наматывала ему на руку виноградную лозу – от плеча до запястья. Смеясь вместе с ней, он небрежно опустил ладонь ей на талию, притянул ближе и, наклонившись, сказал что-то, что заставило ее покраснеть.

Фемистокл, по крайней мере, претендовал на лесь города без всякого смущения. Ксантипп мог только пожать плечами. Этот человек вел свое племя с хладнокровной храбростью, сплотив людей под давлением врага и разбив основные силы «бессмертных». Фемистокл заслужил признание.

Дорога, по которой они шли, вела через город к агоре, мимо холмов Пникс и Ареопаг – к югу и западу от нее. На этих голых камнях собирались для обсуждения и голосования собрание и совет. Такие места становились священными по факту своего назначения. Уже готовились торжественные речи и жертвы Афине за освобождение города. Кое-что из этого Ксантиппу пришлось вытерпеть, но неподалеку был его дом, а значит, прохладная вода и тишина. Агариста и дети найдут его там, но, пожалуй, не раньше, чем он проникнется покоем. Он нуждался в этом после криков и шума, бьющих по нему, как крылья. Ему нужно было побыть одному хотя бы какое-то время. Мужчины вроде Фемистокла, казалось, расцветали от прикосновения рук и плача благодарных женщин. Эпикл был в восторге от этого. Ксантипп подумал, что, возможно, такими же были Тесей и Геракл.

Впереди он увидел Аристида, одетого в простую хламиду и напоминавшего архивариуса или ученого на прогулке по агоре. Аристид сыграл в победе такую же важную роль, как и Фемистокл, но в нем не было тщеславия. Ксантипп гордился тем, что осознавал достоинство этого человека.

Фемистокл прикасался к каждой протянутой руке, смеялся и аплодировал вместе со всеми.

«Они жертвовали жизнью на поле битвы, и понять это по-настоящему могут только те, кто там побывал», – подумал Ксантипп.

Вот что роднило его с Мильтиадом. Принадлежность к одному братству. Должно быть, именно поэтому он и не высказался вслух. Конечно, Мильтиад мог бы выдвинуть встречное обвинение в неповиновении, но дело было не только в этом.

Ему вдруг стало душно, и слезы зашипали глаза. Он не мог понять, откуда взялась эта эмоция, и больше, чем когда-либо, ему захотелось оказаться подальше от шума и ликующей толпы.

Эпикл дважды похлопал его по плечу, возвращая в мир, на городскую улицу.

– Послушай, Ксантипп, – обеспокоенно сказал его молодой друг. – Я видел тебя таким раньше, после битвы. Тебе нужно отдохнуть, выпить немного вина и поесть простой еды. Или выпить много вина.

Ксантипп улыбнулся и кивнул. Он терпел скопление людей весь путь до агоры, где победителей приветствовала несметная толпа. Горожане заполнили афинские дороги, не оставив ни одного свободного уголка. На улицы, показывая, как высоко они ценят то, что было сделано, вышло больше мужчин и женщин, чем он мог сосчитать. Великое событие. Но Ксантипп чувствовал только, как солнце припекает шею и руки, как сухо во рту и какой он сам грязный.

А вот Фемистокла грязь каким-то образом не коснулась, хотя он сражался и потел так же, как и все остальные. Может, переоделся? По крайней мере, уже нашел где-то бледно-голубую хламиду. С цветами, обвитыми вокруг шеи и рук, он походил на царя или бога из какой-нибудь священной рощи.

Мало-помалу колонна гоплитов влилась в людскую массу. Их приветствовали и соплеменники, и близкие. Тогда же раздался плач по тем, кто не вернулся. Рыдающих женщин и детей увели в сторонку те, кто понимал их потерю, забрали домой сестры и родители. Вокруг этих маленьких островков сокрушительной скорби радовались другие граждане Афин, в ликовании хлопая победителей по рукам и плечам.

На агоре толпа подхватила Мильтиада на плечи. Он оказался выше всех и вскинул руки, отвечая на крики и приветствия. Ксантипп также видел, что и Фемистокл заметил повышение статуса этого человека и совсем не пришел в восторг. Ксантипп наблюдал за победителем Марафона – и Мильтиад, казалось, почувствовал это, глядя поверх толпы. Шум утих, и Ксантипп понял, что если и нужно начать говорить, то именно сейчас.

Он увидел, как Мильтиад обнимает юношу, которого подняли вместе с ним. Это был его сын Кимон.

Молодому человеку едва ли исполнилось семнадцать, и он смотрел на отца с благоговением. Ксантипп мог легко представить, как его сыновья будут смотреть на него с такой же гордостью, когда станут старше.

Он принял окончательное решение. Все было зыбко, не было ничего определенного – ни в битве, ни в сердцах людей. Он не мог предъявить никаких доказательств.

Ксантипп кивнул Мильтиаду, но архонт не подал виду, что заметил это.

Первым к толпе, конечно, обратился Фемистокл. Ксантипп поднял глаза к небесам, когда мужской голос прогремел над агорой.

В голубом небе сияло солнце. Был ясный летний день. Ксантипп глубоко вдохнул и выдохнул. Напряжение исчезло. Настал момент совершенного покоя. Он закрыл глаза и снова вдохнул воздух, жизнь и звук.

– Мы благодарим богов за наш триумф, – говорил Фемистокл, – ибо без их помощи и их силы мы не смогли бы одержать победу.

Он сделал паузу, и Ксантипп задумался, какую часть заслуг Фемистокл оставит за собой. Это была недостойная мысль.

– В ближайшие дни, месяцы и годы вы услышите тысячи историй обо всем, что мы сделали. Мы загнали армию великого царя в море, которое сделали красным, как вино.

В абсолютной тишине Ксантипп услышал, как у Фемистокла перехватило дыхание. Толпа, не будучи свидетелем битвы, замороженно внимала каждому его слову. Фемистокл же в этот миг снова видел все своими глазами. Он был – там.

– Я благодарю людей, которые стояли рядом со мной, как братья, как афиняне. Как эллины. Мы греки – и мы победители.

Фемистокл говорил почти печально, но что это было: притворство или усталость? Он посмотрел на Ксантиппа, как будто услышал его мысль.

– Я благодарю стратегов, командовавших битвой: Аристида, который держал центр вместе со мной; Ксантиппа на левом фланге, который воодушевил людей; Мильтиада, который поддерживал нас в стойкости – и послал резерв точно в нужный момент, чтобы мы разбили персов на глазах у их царя.

Толпа восторженно загудела. Гул эхом разнесся по всему городу – те, кто был слишком далеко, чтобы расслышать хоть слово, тем не менее ревели в знак поддержки.

Он знает, понял Ксантипп. Фемистокл точно знает, что случилось, или, по крайней мере, подозревает. Возможно, он тоже видел, как толпа обожает Мильтиада, как люди тянутся к его рукам, просто чтобы хвастать потом, что они прикоснулись к нему. После такой победы этот человек был вне всякой критики. Что бы ни скрывалось за этим, такова была истина.

Мильтиада опустили на землю. Он шагнул вперед, хотя Ксантиппу показалось, что Фемистокл не был готов уступить дорогу. Тем не менее он сделал это с достоинством, возглавив возобновившиеся приветствия герою Марафона.

Архонт лучезарно улыбнулся, купаясь в одобрении. Однако он не позволил этому продолжаться слишком долго, предпочтя осторожность тщеславию и призвав к тишине.

Даже тогда ликующая толпа затихла не сразу. Ксантипп задавался вопросом, каково им было – ждать новостей вместе с рабами и иноземцами-метеками, не спать, чтобы услышать, какая армия идет в Афины – персидская или греческая. Такова была реальность – агония, которой он никогда не знал. Одни люди изменили мир, другие пережили это. Но он всегда будет выбирать свою судьбу, а не позволять другим выбирать за него! Это его право как мужчины – и гражданина Афин.

Он отбросил неуместные мысли, когда заговорил Мильтиад:

– Мне посчастливилось возглавить наше войско. Только мы и храбрецы Платеи откликнулись на наш призыв... Всего одиннадцать тысяч против врага, большего по численности в четыре или пять раз, против пращников, лучников и персидских «бессмертных» – лучших солдат их империи. Против военных экипажей и суровых рабов-гребцов. Против их царя, наблюдавшего за нами. День прошел. Это уже воспоминание. Но мы, марафономахи, знаем единственно важную истину. В тот час нас было достаточно. Для победы.

Тишина длилась целую минуту, пока толпа смотрела на него почти с благоговением, – а затем взорвалась еще раз. Зазвучали барабаны и флейты, и мелодия, смешиваясь с шумом толпы, заставляла сердце Ксантиппа учащенно биться – звуки сражения были еще свежи в его памяти.

Мильтиаду пришлось долго ждать, прежде чем заговорить снова.

– Некоторые из вас, возможно, слышали, что великого царя сопровождал Гиппий, предатель и тиран Афин.

Флейты стихли с пронзительным воплем при этих словах. По толпе пронесся изумленный ропот. Ксантипп тоже наострил уши, обменявшись взглядом с Эпиклом, стоявшим у него за плечом. Они все знали это имя. Гиппий был изгнан из города много лет назад, после попытки свергнуть реформы, давшие народу собрание. За городом еще остался долг спартамцам, которые вошли в Афины и, окружив сторонников Гиппия на Акрополе, вынудили его убраться.

Ксантипп хорошо помнил тот день, хотя ему было всего восемнадцать лет. Спартамцы, конечно, хотели остаться, заявив некоторые права на освобожденный ими город, хотя их и

пригласили в качестве гостей. Известие об этом разлетелось само собой, и улицы внезапно заполнились афинской молодежью, которая вилась возле спартанцев. Возможно, людям в тот день стало стыдно за свою неспособность противостоять тирану и его солдатам. Это не имело значения. В конце концов они нашли в себе мужество. Ими больше никогда не будут править тираны! Даже спартанцы поняли, что сопротивление слишком велико. Они оказались в роли волков, столкнувшихся с вооруженными овцами. Именно в тот день Ксантипп подумал, что демократия действительно может выжить. До того дня он и представить не мог, что так много людей настроены не менее решительно, чем он. И если их так много, тех, кто готов умереть за демократию, если они дорожат ею больше, чем жизнью, возможно, она и впрямь того стоит.

Ксантипп нахмурился. Он ничего не слышал о Гиппии во время битвы, не видел ни его знамен, ни каких-либо греческих щитов в персидских рядах. Как мог узнать об этом Мильтиад? Конечно, были пленные и были допросы. Некоторых пытали, прежде чем убить. Возможно, они рассказали Мильтиаду больше, чем он открыл прошлой ночью. Но подозрение вспыхнуло.

– Перед битвой, – продолжил Мильтиад, – я получил известие, что Гиппий вернется из дворцов в Персии, чтобы сопровождать великого царя. Предатель всей Греции, помогающий нашим врагам.

Мильтиад сделал паузу, и по толпе снова прокатился ропот. В этом ропоте звучал гнев, и если бы Гиппий оказался вдруг перед ними, его наверняка разорвали бы на части.

– Большая часть их флота уцелела вместе с конницей и тысячами солдат. Они по-прежнему представляют для нас угрозу – и Гиппий среди них. Поэтому я не прошу у вас венка победителя за вчерашний день, ни для меня, ни для людей, которые одержали победу. Мы знаем, что мы сделали, и мы знаем, что этого было достаточно. Все, о чем я прошу, – это дать мне флот, чтобы выследить выживших персов и найти Гиппия, где бы он ни скрывался. Это если собрание проголосует сегодня за то, чтобы разрешить мне построить корабли и набрать людей для экипажей, а также выделить серебро из нашей казны для оплаты их услуг. Если вы сможете это сделать, я верну еще большую сумму персидским серебром и отомщу Гиппию, что следовало сделать уже давно.

Когда толпа снова взорвалась, Эпикл наклонился так, что его губы почти коснулись уха Ксантиппа.

– По крайней мере, какое-то время его не будет в Афинах. А если боги пожелают, мы можем никогда больше его не увидеть.

Ксантипп кивнул, наблюдая, как Мильтиада снова подняли на плечи его друзья и сторонники. Ксантипп не сомневался, что этот человек умышленно сдерживал их фланг, не позволяя вступить в сражение с персами. Если бы он преуспел, люди, которые приветствовали его сейчас, плакали бы в цепях в тот же день, купленные и проданные на рабских рынках. Не важно, что Мильтиад потерпел неудачу, важно только то, что он не был наказан за свою попытку. В этом была несправедливость, и это жгло Ксантиппа изнутри.

– Я домой, – сказал Ксантипп Эпиклу, повторив это громче, когда друг приложил руку к уху и посмотрел непонимающе. – Домой в Холаргос.

Эпикл кивнул. Он знал, что друг терпеть не может толпу. Долг удержал его здесь, чтобы услышать речи Мильтиада и Фемистокла. Но людское внимание утомляло его.

Ксантипп и Эпикл подождали ровно столько, чтобы поднять руки при публичном голосовании, хотя Ксантипп мог бы воздержаться.

Эпикл похлопал его по локтю и сказал на ухо:

– Никогда не позволяй оленю увидеть твой лук.

Ксантипп глубоко и медленно вздохнул и поднял руку вместе с остальными, чтобы их сосчитали. Мильтиад заметил это, всмотрелся. Среди всех остальных он, казалось, в этот момент обратил внимание именно на Ксантиппа. Этот человек почти ничего не упустил, взирая на людей, которых мог предать, и в его глазах блестели слезы.

Глава 10

Ксантипп вдохнул запах чистого свежего дерева, наблюдая, как вставляют в корпус ребра из сосны и дуба. Корпуса сорока новых триер уже лежали на верфях порта Пирей. Все, кроме трех, были закончены в течение зимних месяцев, готовые к весне, приближение которой уже чувствовалась в воздухе. Работа шла к концу, и росло ощущение завершения чего-то грандиозного. Часть нового флота отсутствовала, экипажи срабатывались, привыкали к командам, ревом звучащим в пылу битвы, учились останавливаться и разворачиваться едва ли не на месте, удивляя тем самым каждого, кто видел, как они передвигались. Они могли защититься от любого персидского военного корабля. Более того, они могли стать для врага ястребами.

Когда последние будут готовы, состоится заключительный спуск, а все остальные будут в строю на воде. Тогда галеры из сосны, дуба и бронзы устремятся в открытое море, из-под защиты берегов – на глубину. Девяносто весел с каждой стороны в трех ярусах по тридцать вспенят темные воды Эгейского моря. На афинских кораблях гребцами были свободные люди, люди, которые носили оружие и могли защитить свое судно от абордажа. Они и раньше удивляли врагов этой простейшей тактикой. Закованные в цепи рабы сражались не так, как свободные греки. Да, им нужно было платить, но работа считалась почетной для тех, кто хотел сыграть свою роль, но не имел доспехов или оружия. У них тоже был голос в собрании, и они хотели защитить город.

Наблюдая за работой плотников, Ксантипп чувствовал Афины у себя за спиной. Он улыбнулся, когда понял, что от стука молотка и зубил звенит в ушах, но это несколько его не тревожит и не раздражает. Наверное, разные виды шума действовали на него по-разному. Звуки, связанные с обработкой дерева, и крики насчет гвоздей и клея не беспокоили. По сравнению со спорами в городе простой физический труд был как бальзам на душу.

Порт находился всего в тридцати – или около того – стадиях к юго-западу от городских стен. Ксантипп мог пробежать до берега за полчаса, и ему нравилось бегать не просто так, а имея пункт назначения. Некоторые серьезные молодые люди из собрания бегали кругами возле гимнасия, погруженные в своего рода мечтательное состояние, обливаясь потом.

Ксантипп предпочитал иметь цель – и у него был интерес к строящимся кораблям.

На самом деле город не мог себе этого позволить. Ко всем богатым семьям обратились с просьбой внести свой вклад и предоставить огромные суммы серебром. Два корабля, строящихся на берегу, были профинансированы семьей Алкмеонидов. Часть богатства его жены – его богатства! – уйдет с Мильтиадом, когда тот отправится весной в поход.

Ксантипп не нес никакой ответственности за корабли даже после того, как была произведена оплата. Он слышал, что на носу одного из них будет изображена Агариста, но то была прихоть жены и побочная договоренность с мастером-резчиком, а не признание факта оплаты. Ксантипп вздохнул про себя. Лучшим изображением был бы глаз, нарисованный по обе стороны от тарана, чтобы видеть путь к врагу. Как и в случае с его старым щитом, простое часто бывало лучшим.

Он медленно шел по набережной, где в колыбелях из серого дуба лежали незаконченные скелеты, отгороженные от моря деревянными дверями и большими тюками. Когда придет время и они будут готовы, воде будет позволено хлынуть внутрь и поднять триеры в их новой стихии. Затем их отведут в море для ходовых испытаний.

Ксантипп зачарованно наблюдал, как на почти готовое судно устанавливают таран. Массивные бронзовые «убийцы кораблей» выглядели устрашающе и представляли собой листы металла, прибитые к деревянным балкам для идеального сочетания легкости и прочности. Длинные и широкие, они казались тупыми, но на то имелась причина. Их предназначением было пробивать корпус так, чтобы атакующий корабль мог отступить и искать другую цель.

Таран, похожий на шип, просто застревал бы в обшивке. Эти же были молотами. На полной скорости, с весом корабля и двух сотен человек, они могли пробить что угодно. Такая война нравилась Ксантиппу.

Пока он смотрел, морской бриз высушивал пот на его обнаженном теле. Болело колено. Он скучал по тем дням, когда при желании мог совершить подобную пробежку дюжину раз и не страдать потом целую неделю от боли в пояснице и мышцах. Ксантипп вздохнул. Возраст жесток. Но хорошо хоть выдался ясный день после трех дождливых.

Из-за триера, стоявших дальше на берегу, вышли двое мужчин. Ксантипп выругался себе под нос, узнав в более высоком Фемистокла, склонившего голову и говорившего что-то своему спутнику – Аристиду. Без сомнения, они были здесь по делам и, наверное, проверяли наличие каждого гвоздя и инструмента, а также все траты, до последней серебряной монеты. С флотом такого размера не могло и не должно было быть никаких потерь. Семьдесят кораблей – огромное предприятие, значительная часть богатства Афин – должны были отправиться в море, чтобы стать игрушкой судьбы. Находились такие, кто говорил, что городу не следовало выполнять просьбу Мильтиада, но он хорошо выбрал момент.

Ксантипп повернулся, чтобы уйти, но, конечно же, в этот момент Фемистокл почувствовал его пристальный взгляд и поднял глаза. Здоровяк поднял руку и позвал его по имени.

Ксантипп мог бы притвориться, сделать вид, что не слышал, но заколебался, и момент был упущен. Мужчины подошли к нему. Оба были в простых одеждах и несли под мышками свитки папируса, помеченные изображениями и списками. Ксантипп мысленно застонал, но отступить не собирался. Вместо этого он заставил себя улыбнуться и выпрямился, чувствуя, как по спине стекает пот. Неужели он стал таким ни на что не годным после Марафона? Он тренировался усерднее, чем когда-либо, но возраст все портил. Он представил, что становится рыхлым и у него вырастает живот, как у некоторых зрелых мужчин. Этот образ наполнил его ужасом, и он решил бежать изо всех сил на обратном пути – с коленом или без колена.

– Хорошо выглядишь, Ксантипп, – сказал Фемистокл. – Пришел посмотреть на свои корабли?

– Они не мои, – быстро ответил Ксантипп.

Как получилось, что Фемистокл всегда, казалось, нервировал его с первого слова? Это было неприятно. Зато Аристид выглядел спокойным и невозмутимым. И вдруг Ксантипп понял, что этот человек раздражает Фемистокла больше всех остальных.

– Рад видеть вас обоих в добром здравии. И рад, что вы так заботитесь о новых галерах. Аристид в ответ мягко улыбнулся и сказал:

– Мы все заинтересованы в успехе. Мы трое выстояли при Марафоне и носим на себе шрамы того дня. Мой долг – убедиться, что Мильтиад хорошо начал. В конце концов, такова воля собрания.

Ксантипп опустил голову, успев заметить, как Фемистокл закатил глаза за спиной у Аристида.

– Я слышал о твоём назначении главным архонтом-эпонимом. Это вполне заслуженно.

К его удовольствию, Аристид отмахнулся от комплимента:

– Ты прекрасно знаешь, что такие вещи не имеют никакого значения. . . В лучшем случае это искушение для тщеславия. В худшем – червяк в душе! Должно ли меня восхищать, что народное собрание проголосовало за мое имя в названии года? Были и другие кандидаты. Разве они менее достойны этой чести? Фемистокла можно было бы так же легко назначить на эту должность. Один голос мог бы разлучить нас – неужели меня тогда съела бы зависть? Будет ли от меня меньше пользы или от него – больше? Конечно нет. Все это пустяки. Я знаю, что ты это понимаешь.

Ксантипп почувствовал, что краснеет. Он был рад войти в узкий круг равных, независимо от того, какое это имело значение. Каждый год в городе избирался только один архонт-эпоним.

«Год Аристид» становился опорой, на которой строились все события. «Это было через три года после Аристид», – говорили бы люди, возможно, в течение столетий. Ксантипп полагал, что Аристид мало заботится о таких почестях, но знал, что сам он не настолько скромен. Как, наверное, и Фемистокл.

– Я иду к начальнику порта, – сказал Аристид и протянул руку; Ксантипп ощутил твердое, сухое пожатие. – Обнаружил несоответствия в отчетах.

– Умысел или недосмотр? – спросил Ксантипп.

Присутствие Аристид заставляло его быть серьезным и вдумчивым. Этот человек устанавливал высокие стандарты.

Аристид ответил не сразу, прежде все взвесив, учитывая, что от этого зависела бы жизнь человека.

– Полагаю, что второе, но буду судить по его реакции. Если потребуется, приведу на суд собрания.

– Не ждешь опасности? – спросил Ксантипп. – У меня нет меча, но я мог бы сопровождать тебя. Не годится, чтобы на архонта нападали при исполнении им своих обязанностей.

Аристид задумчиво отвел взгляд и покачал головой. Ксантипп и раньше отмечал, что этот человек вообще лишен физического страха, как будто угроза ранения или даже смерти его не волновала.

– Я так не думаю. Меня здесь хорошо знают. Если он действительно набросится, найдется дюжина плотников и рабов, которые его удержат. Спасибо за твою заботу, Ксантипп. Ты хороший человек.

Ксантипп снова почувствовал, что краснеет. Аристид повернулся и направился к докам. Было бы заманчиво пойти с ним. Он почувствовал, что Фемистокл наблюдает за ним, подняв брови. Атмосфера была другой, как будто они оба сошли со сцены и могли быть самими собой. Ксантипп понял, что это сделал Аристид.

– Я провел утро с нашим новым архонтом, – вздохнул Фемистокл. – Утро, в которое уже не вернусь.

Ксантипп нахмурился, не желая быть втянутым в обсуждения и опасаясь каким-либо образом критиковать Аристид.

– Он лучший из нас, – твердо сказал он, игнорируя вспыльчивость собеседника.

– Для кого-то – возможно, – пожал плечами Фемистокл. – Некоторыми правят жадность, глупость и похоть. Они могли бы украсть драхму у собственной матери или наступить на пальцы ближнему, чтобы помешать ему подняться. Они как дети в своей злобе.

– Ты же не об Аристиде говоришь! – воскликнул Ксантипп, изумленно взглянув на него.

– Нет, конечно нет. Народу нужны такие люди, как Аристид. Народ должен знать, что есть те, кого можно оставить охранять комнату с золотыми монетами в полной уверенности, что не пропадет ни одна. Более того, они умерли бы с голоду, но не подняли бы и корки хлеба, которая им не принадлежит. Аристид – такой человек, я это знаю. Ты тоже это знаешь. Его воля... его честь – как железо. Он мог бы управлять этим портом или всем городом, и все работало бы, словно фаланга в идеальном строю.

Ксантипп подозрительно посмотрел на него:

– Значит, ты им восхищаешься. И я. Нам нужны такие люди, как...

– Но тогда, если бы за законы отвечали такие люди, как Аристид, у нас был бы мертвый город, – продолжил Фемистокл, глядя вслед худощавому человеку, направляющемуся к начальнику порта. – Жить так – все равно что пытаться вести корабль против ветра. Гребцы налегают на весла, и корабль рассекает волны, неся всех нас. Аристид может это сделать.

– Почему тогда «мертвый город»? – начал сердиться Ксантипп.

Как получилось, что каждый разговор с Фемистоклом складывается одним и тем же образом? Этот человек обладал необычайной способностью уколоть.

– Людям нужно нечто большее, чем хлеб и вино, любовники и золото, – сказал Фемистокл.

– Ты имеешь в виду богов?

К его удивлению, Фемистокл усмехнулся:

– Я не знаю. Как интересно у тебя устроен ум, Ксантипп из Холаргоса! Нет, мужчинам нужно честолюбие. Такие, как Аристид, были бы довольны тем, что сохранили. Сохранили то, что у нас есть.

– Это не кажется мне таким уж плохим, – возразил Ксантипп.

– Мир меняется. Если постоянно только перекрашиваешь и перестраиваешь, то в конце концов появятся трещины. Ты видел, мой друг, руины храмов и врат. Были народы, которые не менялись и ушли до нас. Им не хватило честолюбия встать и сказать: «Мы оставим след, который никогда не будет стерт».

В нем появилась странная напряженность, наблюдать которую было почти неприятно. Ксантипп заметил, как исчезает блеск в его глазах.

Фемистокл встряхнулся, словно просыпаясь, и добавил:

– В любом случае я бы не хотел, чтобы он сидел за моим обеденным столом. Старик убивает смех этим своим кислым выражением лица.

Ксантипп неловко кивнул. Он уже устал от Фемистокла:

– Хорошо. Я возвращаюсь в город. Пообещал себе, что сегодня устрою тяжелую пробежку.

Фемистокл посмотрел на него, оценив длинные руки и ноги, мощные мускулы человека, который каждый день оттачивал свои боевые навыки.

– Можно мне побежать рядом или предпочитаешь в одиночку?

Ксантипп услышал в этих словах вызов и улыбнулся:

– Буду рад составить тебе компанию, но предупреждаю: я задаю жесткий темп.

Сбросив одежду и сандалии, Фемистокл остался голым. Он сиял здоровьем. Ксантипп вспомнил, что этот человек любит бороться и биться на кулаках, и подумал, не перегнул ли палку. Сам-то он был уже немолод, с большим коленом. Но свои опасения оставил при себе.

Фемистокл горкой сложил вещи и свистнул. В ответ со стороны доков рысцой примчался раб.

– Веди, Ксантипп, – кивнул Фемистокл. – Я сделаю все возможное, чтобы не отставать от тебя.

Они начали с легкого бега. Каждый сознавал силу другого и был полон решимости не проиграть, даже если для этого придется умереть.

Глава 11

Его подвело колено. Оба – и Ксантипп, и Фемистокл – неслись едва ли не на разрыв сердца. Когда в поле зрения показалась городская стена, и тот и другой рванули по грунтовой дороге из последних сил. Капли пота летели во все стороны. В какой-то момент Ксантипп почувствовал, как колено дернулось, будто в него вонзили железный шип. Он вмиг потерял скорость и захромал, но заставил себя продолжать, хотя Фемистокл уже ушел вперед, не оборачиваясь. Люди, ехавшие из порта в город на запряженных волами повозках, приветствовали героев Марафона, без сомнения узнав Фемистокла.

Соперники встретились у городских ворот, закончили, пыхтя и отдуваясь, под любопытными взглядами стоявших на стене скифских лучников. Эти метеки были наняты для поддержания порядка на улицах, а иногда и на холме Пникс. Когда там собиралось до двадцати тысяч человек, горячие дискуссии становились слишком бурными и спор нередко перерастал в драку с кровопролитием.

Оба бегуна раскраснелись, но быстро восстановились, хотя, чтобы создать такое впечатление, им пришлось изрядно постараться.

– Ты хромаешь, – заметил, усмехнувшись, Фемистокл. – Я и победил-то только благодаря этому. Я уже начал сдавать, когда ты сбавил.

– Пустяки, – сказал Ксантипп.

Он не хотел искать причину для оправданий. Фемистокл выиграл забег. Мужчинам жаловаться не пристало.

– Я знаю гимнасиарха у реки Илисс – всего в нескольких стадиях отсюда. Новое место. Примут нас радушно. Хозяин из филы Леонтиды – он стоял со мной на Марафоне.

Вместо того чтобы отказаться, Ксантипп заколебался. Он знал, что если собирается ходить на следующий день, то должен натереться маслом. Колено горело, и мышцы вокруг него подрагивали. Но он предпочитал гимнасий либо в Академии, на севере, либо в одном из восточных районов города. Более того, он не хотел чувствовать себя обязанным Фемистоклу. Пот капал с кончика носа, и Ксантипп вытер лицо ладонью. А потом, повинувшись импульсу, кивнул, и Фемистокл пошел впереди, уже справившись с одышкой.

– Возраст – жестокая штука. Отнимает понемногу все, что у нас есть.

Ксантипп почувствовал, как в нем нарастает раздражение.

– Просто старая рана, – натянуто сказал он.

– Это приходит ко всем нам, – пробормотал Фемистокл почти про себя.

Ксантипп поднял глаза к небесам, моля о терпении.

Гимнасиарх горячо приветствовал Фемистокла, будто давно потерянного брата. Окликнул его по имени, как только они миновали ворота и прохладные внешние галереи, чтобы выйти на главное поле. Река неподалеку протекала через тихие рощи, беговая дорожка была новой и чистой. Никакого сравнения с той, что в Академии, с ее облупившейся краской и сорняками. К ним отнеслись со всем вниманием и заботой, что произвело на Ксантиппа немалое впечатление. Гостей уложили, намазали маслом и как следует помяли, а потом выскоблили кожу затупленными бронзовыми и костными лезвиями. Грязное масло вылили в котел, где оно разделилось на темные и золотистые спирали. Запах был немного неприятный, и Фемистокл попросил раба убрать котел подальше.

– Знаешь, Аристид не желает платить за новое масло. Ты об этом слышал? – спросил Фемистокл. – Пользуется бесплатным, тем, что сливают, каким бы грязным оно ни было.

Ксантипп нахмурился и глубоко вздохнул. Он лежал на спине, наблюдая, как раб, державший его поднятую ногу, критически осмотрел больное колено и начал надавливать большими пальцами на поверхность сустава, разгоняя собравшуюся там жидкость. Боль была невы-

носимая, и разговор помогал Ксантиппу не кричать. Этого он позволить себе не мог – только не перед Фемистоклом.

– Значит, не любит расточительства. Возможно, это мудро, – процедил Ксантипп сквозь зубы.

Прозвучало это достаточно напряженно, и Фемистокл, переведя на него взгляд, спросил:

– Тебя беспокоит колено?

Ксантипп задержал дыхание и выдохнул:

– Все будет хорошо. Спасибо.

– Мне здесь нравится, – махнул рукой здоровяк. – Какой бы ни была цена, оно того стоит. Хочешь вина? Половина на половину? Или одну на треть?

Посомневавшись, Ксантипп согласился на последний вариант. Он сел, чтобы выпить, и вытянул ноги, а рабы продолжили их растирать. Его внимание приковала схватка двух борцов, терзавших друг друга с изощренной свирепостью.

Фемистокл следил за ними более опытным взглядом и выкрикнул поздравления человеку, жестко бросившему противника на землю, но проигравшему. Тот стоял, придерживая одной рукой другую, похоже сломанную. Услышав доброе слово в свой адрес и увидев, кто признал его способности, он заулыбался и отправился к лекарю – наложить шину и повязку.

– Интересно, оценишь ли ты это место так же, как я? – сказал Фемистокл.

Ксантипп допил вино и лег на живот.

Двое рабов все еще растирали его ноги, тогда как третий, здоровяк, мял мышцы спины. Судя по ощущениям, делал он это локтями. Ксантипп хмыкнул, проявляя терпение.

– Думаю, что да, – ответил он.

– Не знаю, – сказал Фемистокл. – Ты родился в благородной семье эвпатридов. У твоей семьи есть земля, а земля... Ну, это своего рода свобода. Имея землю, человек знает, что никогда не умрет с голоду. Ему есть где укрыться, когда мир оборачивается против него. Есть ворота, которые он может закрыть, рабы, чтобы охранять стены. У него есть покой. Твой отец ведь был богатым человеком?

– Да, – осторожно признал Ксантипп.

– А семья твоей жены – клянусь Афиной! – они богаты со времен «Илиады»! Ты знаешь, что Аристид работал с дядей твоей жены, Клисфеном? Ты знал об этом? Он восхищался им. Да и как иначе? Клисфен – человек, поименовавший десять племен, создавший собрание и совет. Какой великий след он оставил в этом мире!

– И ты хочешь того же? – спросил Ксантипп.

Вот бы здесь был сам Аристид, чтобы выслушать аргументы и ответить! Этот человек, казалось, никогда не терял дар речи, тогда как у Ксантиппа такое случалось.

Фемистокл лежал на столе с распущенными волосами, разбросав массивные конечности, как лев, наслаждающийся солнцем. Кожа еще не остыла после пробежки, и он развалился, чувствуя себя в высшей степени непринужденно.

– Я хочу лучшего для Афин, – ответил Фемистокл, поразмыслив.

Ксантипп чувствовал, что истина кроется за этими словами, а может быть, Фемистокл просто видел себя тем самым лучшим, что было в городе.

– Я родился недалеко отсюда, в деревне Фреарриой. Знаешь такую?

Ксантипп кивнул, но глаза открывать не стал. Ему вспомнилось небогатое чистенькое поселение в окружении ячменных и пшеничных полей. Афины местами были застроены настолько плотно, что солнце там никогда не достигало земли. Странно, что Фемистокл оказался выходцем с открытых просторов, когда он так хорошо вписывался в городские улицы. Ксантипп удивлялся, как из такого начала вырос тот, кто сейчас непринужденно лежал рядом с ним. Возможно, Фемистокл в придачу к рельефным мышцам груди и живота взял то, что дали боги, и создал из этого что-то новое.

С легким «фьють» старое масло излилось в новую деревянную ванну, оставив на земле грязные брызги. Принесенное свежее имело цвет чистого жидкого золота, и рабы-массажисты окунули в него руки. На бойцовских кругах атлеты шумно пыхтели, валяя в пыли потные тела соперников. Настоящих ударов они не наносили, хотя страсти порой и разгорались. Обычный кулачный поединок заканчивался более жестоко, чем борцовская схватка.

Услышав быстро приближающиеся шаги, Ксантипп подумал о том, чтобы снова сесть и понаблюдать за бегунами, но отказался от этой мысли. День был слишком ясный, воздух слишком сладкий. Он поднял кубок, чтобы ему налили еще вина, откинулся на деревянную, обтянутую кожей подставку и пробормотал слова благодарности человеку, который работал над его коленом. Боль ослабевала.

– Моим отцом был Неокл, – продолжил Фемистокл, – он не имел ни большого состояния, ни особых достижений. Родители отреклись от него, и он никогда не говорил мне почему, хотя я думаю, что причиной была его склонность к насилию. Моя мать боялась его, я помню это. Он умер, когда мне было одиннадцать лет, оставив мою мать растить меня без всякой помощи. Она привезла меня в Афины, и мы жили недалеко от Керамика. Ее звали Абртонон – маленькая светловолосая женщина из Фракии, одна в этом городе, без сестер или друзей. Можешь себе представить? Чтобы прокормить нас, она работала от восхода до заката. Помню, как однажды я разбил горшок – простую маленькую вещицу голубого цвета, обожженную в печи. Для меня это ничего не значило, но она плакала, убирая осколки. Ей нечем было его заменить, хотя горшки получше того выбрасывают каждый день!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.